

18+

ТОНИ ИЛИ ПЛЫВІВІ

Анна Аниконова

Анна АНИКОНОВА

Тони или плыви

«Издательские решения»

Аниконова А.

Тони или плыви / А. Аниконова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-681638-1

Ремси Линн всегда знал, что родная мать его презирает. Однако сейчас жизнь свелась к одной цели — сдать последний экзамен и отправиться в поход с лучшей подругой и ее семьей. Это приключение — не просто отдых, а долгожданный шанс выбраться из напряженного заточения четырех стен. И ради него Ремси старается изо всех сил. Но прошлое тянет вниз, а будущее маячит на горизонте размытым пятном. Сможет ли Ремси выплыть из этого удушающего водоворота? Или позволит ему утащить себя на дно?

ISBN 978-5-00-681638-1

© Аниконова А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Без шанса на передышку	6
Глава 2. Ухаживание за цветами	14
Глава 3. Игра по заданным правилам	26
Глава 4. Место, где все началось	36
Глава 5. Ночной Истборн	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Тони или пльви

Анна Аниконова

© Анна Аниконова, 2025

ISBN 978-5-0068-1638-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Без шанса на передышку

Он падает, зажмурившись от страха. Крепко стиснув зубы и сжав руки в кулаки, он чувствует, как предательски наворачиваются слезы, а в голове маячит лишь одна мысль – *«Поскорее бы все это закончилось»*.

– Ремси? – доносится до мальчика голос. – Ну, как тебе? Понравилась горка?

Ремси открывает глаза и понимает, что больше не падает. Горка осталась позади, а перед ним сияет улыбающееся лицо отца, который сидит на корточках и протягивает вперед руки. Заметив, как сильно у сына дрожит нижняя губа, а глаза покраснели и распухли, мужчина обеспокоенно спрашивает:

– Все в порядке?

– Нет, – буркает мальчик, пытаясь подняться на ноги.

– Что случилось?

– Горка не понравилась.

Отец, чуть нахмурившись, поправляет очки и оглядывается. В нескольких метрах от них – фургон с мороженым, около которого толпятся дети и их родители.

Стоит чудесный июньский день.

– Давай, кто быстрее до того фургона, тот выберет себе два разных вкуса?

Ремси тут же воодушевляется, забыв о неприятном опыте на горке. Он резко крутит головой в сторону выстроившейся очереди, а потом переводит взгляд на отца.

– Давай! – подхватывает мальчик и пускается к фургону.

Письменный стол был завален бумагами, папками, и канцелярскими принадлежностями. Где-то под горой черновиков стоял ноутбук, и из него доносилась расслабляющая мелодия. Ремси, с карандашом за ухом, лежал на кровати и пытался разобраться в собственных записях.

Распахнутое над постелью окно впускало в комнату прохладу июньского утра вместе с его ароматами – зацвела сирень, а ее кусты как раз росли внизу, около дороги, рядом со старым дубом, ветви которого уходили в разные стороны.

– Давай, кто быстрее до того фургона с мороженым, тот выберет себе два разных вкуса? – услышал Ремси с улицы немного охрипший голос отца.

– Давай! – подхватил идею высокий детский голосок.

Парень шумно выдохнул и перевернулся на спину, вертя листком с формулами перед собой. На уроках Ремси слушал учителя вполуха, делал какие-то незначительные пометки, будучи больше увлеченным разглядыванием людей на улице – занятие куда интереснее математики, по крайней мере, для не разбирающегося в ней парня, которому теперь предстояло подготовиться к третьей части экзамена самостоятельно. Две уже остались позади, а финальная пройдет в понедельник и возвестит об окончании средней школы.

– Если это равно этому, а это – этому, тогда... – бубнил Ремси себе под нос. – А что такое это «это»? Ох, как же болит голова.

Юноша отложил лист бумаги и раскинул руки в стороны, устремляя взгляд в потолок. Музыка больше не помогала расслабиться, наоборот, уже начинала раздражать, но Ремси было слишком лень встать с постели и выключить ее, поэтому он продолжал лежать и время от времени подергивал ногой в такт мелодии.

Спустя какое-то время раздался стук в дверь.

– Уйди, Оскар, – сказал парень, прикрыв глаза. – Я занимаюсь.

В комнату протиснулась копна темных кудрявых волос.

– А вот и не занимаешься! – воскликнул мальчик, толкая ногой дверь. В каждой руке он держал по мороженому, одно из которых, вероятно, было клубничным, судя по розовому оттенку, а другое – шоколадным. – Подумал, ты тоже захочешь.

Ремси открыл глаза и недовольно посмотрел на младшего брата, однако заметив протянутый рожок, смягчился и даже слегка улыбнулся.

– Спасибо, – парень взял шоколадное мороженое. – Тебе не надоело каждый раз брать клубничное?

– А это малиновое, – гордо заявил Оскар и уселся рядом.

– Решил изменить своим вкусам?

– Скорее попробовать что-то новое.

Оскар болтал ногами и жадно облизывал мороженое, будто кто-то мог прямо сейчас прийти и отобрать его. Они ели молча – тишину разбавляли лишь по-прежнему игравшая музыка да звуки редко проезжающих за окном машин. Ремси расправился со своим рожком первым и, встав с постели, подошел к столу, чтобы выключить зацикленное видео. Повторяющиеся на протяжении полутора часа «расслабляющие» мелодии уже начали давать совершенно противоположный эффект.

– Все, иди, мне надо готовиться к экзамену, – велел парень, когда младший брат доел утреннее лакомство и довольно причмокнул губами.

– Может, сходим на улицу? – предложил Оскар.

– Нет, – отрезал Ремси. – Если не сдам этот дурацкий экзамен, родители непустят меня в поход с Морой, а это возможность выбраться из дома на целых четыре дня, и упускать такую возможность я не собираюсь. Иди давай.

– Может, хоть вечером что-нибудь посмотрим? – не унимался мальчик. – Там как раз по телевизору будет...

– Оскар, уйди!

Ремси не видел, как брат вышел из комнаты, только услышал звук хлопнувшей двери. На мгновение зажмурившись, парень громко выдохнул, после чего взял со стола несколько распечаток и вернулся на кровать.

План «встань пораньше и посвети утро учебе, чтобы остаток дня посвятить чему-то более приятному» провалился – Ремси уснул на листах с заданиями через полчаса после того, как лег. Проснувшись в половине третьего дня, первые несколько минут он не понимал, что произошло. Когда же он увидел, что его смятые записи валялись на полу, а экран ноутбука потух из-за разряженной батареи, юноше не оставалось ничего, кроме как активно тереть заспанные глаза и ругать себя за проявленную слабость.

– Ну собирался же заниматься все утро, – тихо корил он себя, спускаясь на первый этаж.

Пустой желудок, которому за первую половину дня довелось повидать одно-единственное мороженое, дал о себе знать, поэтому Ремси решил подкрепиться и с новыми силами вернуться к математике. На кухне никого не было: мать с утра уехала на работу, отец готовился к предстоящей учебной неделе у себя в кабинете, а Оскар, вероятно, развлекал сам себя в детской.

Парень обрадовался шансу пообедать в одиночестве. Он положил на тарелку немного оставленной в холодильнике запеканки и уселся за стол.

Дверь, ведущая с кухни на задний двор, была распахнута, поэтому ветер и в эту часть дома пригонял нежные ароматы сирени и распустившихся в саду цветов. Вокруг было тихо, но Ремси все равно чувствовал некое напряжение, постоянно царившее в доме.

Как в такой теплый шоньский день можно заниматься математикой?

Крайние несколько недель солнечная погода редко баловала Истборн своим присутствием, что было, на самом деле, необычным явлением, поскольку этот морской городок, находившийся на южном побережье Англии, чаще других грелся в теплых лучах, особенно летом.

Но вот уже последние пару дней волны пролива отражали ясное небо, а природа цвела от того тепла, в котором ее купали золотые лучи.

Стоял чудесный июньский день.

Доев запеканку, Ремси на несколько секунд уставился в окно перед собой.

Нет, ну преступление – оставаться сегодня дома.

Можно было сходить до Моры и провести с ней немного времени, прежде чем Джейн вернется с работы.

Поняв, что в ближайшие часы он не сможет сосредоточиться на математике, парень убрал тарелку в раковину и прошел в кабинет отца – мужчина сидел за рабочим столом и просматривал какие-то отчеты о подходящем к концу учебном году.

– Можно мне сходить к Море? – спросил юноша, заглянув в комнату.

Майкл Линн, сорокалетний преподаватель английской литературы в университете Брайтона, оторвался от бумаг и посмотрел на старшего сына. Взгляд его светло-карих глаз за стеклами прямоугольных очков не выражал ничего, кроме усталости.

– Подготовился к финальной части по математике? – вместо ответа осведомился отец.

– Да, – соврал Ремси без капли стыда: еще будет время подготовиться – ночь длинная, да и весь завтрашний день в его распоряжении.

– Тогда, конечно, – кивнул мужчина и вернулся к просмотру документов. – Во сколько вернешься?

– А до сколько сегодня мама?

– Вроде, – отец глянул на наручные часы, – она говорила, что до семи. Но ты и без меня знаешь – ее в суде могут и до девяти задержать, если, конечно, она сама не решит остаться там до следующего утра.

– Тогда буду дома в половине седьмого.

– Хорошо.

Ремси, внутренне воодушевленный предстоящим визитом к Море, уже хотел уйти, как отец его остановил:

– Вы не разговаривали с ней после вчерашнего?

– Нет, – на этот ответ мужчина шумно выдохнул.

– Ладно, иди отдохни. И, да, возьми с собой Оскара. Он весь день просится погулять, но мне еще нужно заполнить кучу бумаг до понедельника – дело муторное и требующее кучу времени.

– Не думаю, что ему будет с нами интересно.

– И все же возьми, сегодня очень хороший день. Оскар найдет чем себя занять.

Варианта «не взять с собой Оскара» у Ремси просто не было, поэтому, подавив нарастающее раздражение, парень развернулся и закрыл дверь в кабинет отца. Поднявшись на второй этаж, он постучал в комнату младшего брата – ответа не последовало – и вошел внутрь. Оскар лежал на кровати с мини-энциклопедией в руках и замороженно читал про Древний Египет.

– Хей, дружок, – Ремси, чувствуя себя слегка виноватым за произошедшее утром, подошел к постели. – Я собираюсь к Море ненадолго, не хочешь со мной?

– Ты подготовился к экзамену? – вместо ответа спросил Оскар.

– Да.

Сперва мальчик не двигался, однако спустя несколько секунд опустил книжку на уровень глаз. Он пытался изобразить хмурый взгляд, выказать обиду за утренний инцидент, но Ремси знал Оскара слишком хорошо – тот редко подолгу обижался, да и никогда не упускал возможности пойти куда-нибудь со старшим братом.

– Я куплю тебе еще одно мороженое по дороге.

Мальчик недоверчиво прищурился, но уже в следующее мгновение рассмеялся и отложил энциклопедию.

– Только клубничное, малиновое мне не очень понравилось.

Оскар шел вприпрыжку, облизывая мороженое. Ему, как и брату, определенно нравилась перспектива наконец-то выбраться из душного заточения четырех стен.

Семья Льюисов жила в нескольких домах от семьи Линн, что было очень удобно для Ремси, проводившего в гостях у своей подруги все возможное свободное время. Не нужно было даже вытаскивать старый велосипед из гаража – пять минут и ты на месте.

Подойдя к двухэтажному дому, отделанному красным кирпичом, парень прошел мимо входной двери сразу на задний двор. Оскар верно следовал за братом. Толкнув деревянную калитку, Ремси ступил на коротко стриженный газон и тут же уловил взглядом лучшую подругу – она сидела на садовых качелях и выводила что-то карандашом в своем скетчбуке. Ее темная кожа сияла на солнце, а сережки-клубники переливались всеми оттенками красного.

– Мора, это мы! – воскликнул Оскар.

– Оу, – девушка обернулась на звонкий голос. – Добрый день, джентльмены. Чем обязана такому приятному визиту?

– Ремси подготовился к экзамену и позвал меня— Тутси! – внимание мальчика мигом переключилось на белоснежную кошку, грациозно расхаживающую по саду, и он устремился к ней.

Парень же, в свою очередь, опустил на качели рядом с Морой и заглянул в ее блокнот:

– Что рисуешь?

– Платье, – девушка оценивающе взглянула на набросок. – Оно бы идеально подошло для такой погоды.

– В нем можно было бы ходить целых пять дней в году, – Ремси откинулся на спинку качелей.

– Явно больше, чем в любом другом английском городе, – Мора сделала еще несколько плавных линий карандашом, после чего закрыла скетчбук и с сомнением в голосе поинтересовалась: – Ты правда подготовился к экзамену по математике?

– Нет, – без запинки ответил Ремси и тут же уловил на себе недовольный взгляд. – Время есть, я все успею. День длинный, а ночь еще длиннее.

– В твоих же интересах сдать этот экзамен.

– Да знаю я.

– Папа уже спрашивал, начал ли ты собирать вещи, – Мора грустно улыбнулась. – А то *«Ремси такой бледный и уставший, ему нужно больше времени проводить на свежем воздухе»*.

– Мне нужен не столько свежий воздух, – парень хмыкнул, – сколько шанс выбраться из дома. Поэтому не переживай, я что-нибудь придумаю, обещаю, и составлю вашей семье компанию в походе. Только учти, вы от меня так просто не отделаетесь и в лесу одного не бросите.

– А я уже план начала продумывать, – девушка тоже откинулась на спинку качелей.

Какое-то время они сидели молча. Мора прикрыла глаза, подняв лицо к солнцу, а Ремси наблюдал за Оскаром: тот сидел на корточках в дальнем углу двора и аккуратно гладил перевернувшуюся на спину Тутси. Парню на мгновение захотелось отдать все то небольшое, что у него было, чтобы вернуться в свои семь лет и полностью прочувствовать очарование этого момента: лето, солнце, задний двор, довольный питомец и не менее довольный маленький мальчик. Но Ремси тут же вернул себя в реальность, напомнив, что в мае ему исполнилось шестнадцать и после сдачи последнего экзамена он окончит среднюю школу. Что ждало его дальше? Работа или продолжение учебы по программе Sixth Form¹ для подготовки к универ-

¹ Sixth Form – это двухлетняя ступень образования в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии, после которой ученики (обычно в возрасте 18 лет) сдают выпускные экзамены A-Levels для дальнейшего поступления в университет (здесь и далее – прим. авт.).

ситету? Юноша не знал и не хотел думать вообще ни о чем – все мысли о дальнейшем образовании или просто жизни после средней школы его пугали, наводили тоску, вгоняли в ступор. Однако он чувствовал, что Джейн *заставит* его продолжить обучение, а потом и поступить в университет.

Словно услышав его возникшую мысль о матери, Мора спросила:

– Как ты после вчерашнего?

От неожиданности Ремси вздрогнул и перевел взгляд с Оскара на подругу.

– Дело привычное. Если бы я до сих пор волновался о каждой ссоре с ней, мне бы нервов не хватило.

– Вы не разговаривали?

– А смысл? Она никогда меня не слушает.

– Она дома?

– Мора, будь она дома, я бы из комнаты не высовывался, – парень покачал головой. – Ее срочно вызвали в суд с утра, должна вернуться к семи, поэтому мы уйдем где-то в половине седьмого, если ты не против.

– Нет, конечно, – девушка помолчала, после чего добавила: – Мне не стоит напоминать, что ты можешь поговорить со мной о чем угодно, да?

– Не стоит, – Ремси улыбнулся.

– Отлично, – Мора растянула губы в ответной улыбке. – Вы не голодные? Там Ким заказывала себе пиццу, но, как говорится, кто не успел, тот опоздал.

– Я хоть и поел недавно, но, думаю, от пиццы не откажусь. Оскар, ты как? – крикнул парень. – Голоден?

Мальчик мгновенно поднял свою кудрявую голову и быстро закивал.

– Тогда за мной! – скомандовала Мора, беря скетчбук и двигаясь в сторону дома.

Холодная пицца и дальнейшие разговоры на свежем воздухе будто ограждали друзей от остального мира, принося чувства комфорта и удовлетворения. Не было место осуждению или гневу, только смеху и попыткам отбиться от надоедливой осы.

Ремси и сам не понял, каким образом так быстро наступила половина седьмого, ведь, казалось, прошло всего полчаса с момента их прихода в дом Льюисов.

– Нам пора идти, – нехотя проговорил юноша, проверяя экран мобильного. – Пока Дж-, – он осекся, глянув на брата, – мама не вернулась.

– Готовься к экзамену, – ухмыльнулась Мора, обнимая друга на прощание.

– Ты же сказал, что подготовился, – нахмурился Оскар.

– Что ж, нет предела совершенству, верно? – Ремси подмигнул брату, ощущая слабый отголосок проснувшейся совести. – Если завтра вечером не выйду на связь, – обратился он к подруге, – не ищи меня.

– Иди ты, а. Мой папа тебя с того света достанет, лишь бы ты пошел с нами в этот поход. До встречи, Оскар, – Мора помахала на прощание.

– Пока! – воскликнул тот и направился следом за старшим братом.

Несмотря на подкрадывающийся вечер, солнечные лучи продолжали плясать по улицам города. Казалось, ничего не могло нарушить идиллию, воцарившуюся в Истборне. Ремси так думал, пока не заметил припаркованную около гаража их дома черную «Тойоту». *Черт*, подумал он.

– Мама вернулась! – обрадовался Оскар и припустил к входной двери.

Мама вернулась, эхом отдалось в голове у Ремси. Раньше, чем он планировал.

Помедлив, парень зашел в дом вслед за младшим братом, который уже натягивал на ноги тапочки. Заперев дверь, Ремси принялся снимать кроссовки, когда услышал доносящийся с кухни разговор родителей.

– Он занимался все утро, Джейн. Отдыхать тоже надо.

– Ты прекрасно осведомлен о его знаниях в математике: одного утра будет явно мало, чтобы наверстать все пропущенное мимо его ушей за одиннадцать лет учебы и достойно сдать финальный экзамен.

Началось. Ремси подумывал над тем, чтобы незаметно прошмыгнуть на второй этаж, не показываясь на кухне, но вероятность, что подобное действие приведет только к худшим последствиям, была слишком высока. Поэтому он неторопливо прошел за Оскаром, который вприпрыжку, обогнув стену прихожей, побежал встречать мать.

– Оскар! Молодец, что не сидел дома, погода сегодня просто замечательная.

Джейн Линн была тридцатипятилетней женщиной, всегда державшейся прямо и носившей строгие деловые костюмы. Она говорила, что так ее обязывает одеваться рабочий дресс-код, но по мнению Ремси, если бы барристеров когда-нибудь принудили приходить в судебный зал в купальных костюмах, Джейн все равно надела бы сверху пиджак, а короткие темные волосы собрала в тугий пучок.

Юноша вошел в кухню как раз в тот момент, когда мать выпускала младшего сына из объятий. Стоявшая на полу сумка и висевший на спинке обеденного стула черный пиджак свидетельствовали о том, что женщина вернулась домой немного раньше мальчиков. Легкая улыбка сошла с ее лица ровно в то мгновение, как глаза уловили силуэт Ремси. Повернувшись, Джейн смерила старшего сына оценивающим взглядом, после чего заговорила:

– Слышала, ты подготовился к экзамену по математике, раз решил побаловать себя прогулкой?

– Я готовился утром, – ответил Ремси.

– Хочешь сказать, что полностью готов и в понедельник сдашь все на высший балл?

– Да... Постараюсь.

– Постараешься? – Джейн вопросительно выгнула бровь.

– Я не знаю, какие именно там будут задания и... – *зря, зря я это сказал.*

– Ты обязан быть готов к любым заданиям, – отрезала мать. – И для этого нужно заниматься, а не разгуливать по городу и отсиживаться дома у соседей. Ты меня понял?

– Да, – другого варианта ответа в данном разговоре просто не существовало.

– Еще и посуду не помыл после обеда, – Джейн кивнула на раковину, в которой, помимо оставленной Ремси тарелки, скопилась уже небольшая гора. – Кто тебя только воспитывал?

Спроси лучше, кто меня не воспитывал, подумал парень, но промолчал. Он глянул на отца, сидевшего за столом и доедающего свою порцию запеканки – мужчина старательно делал вид, что не замечает происходящей прямо перед его носом сцены. В принципе, все было как обычно. Даже тот факт, что ни Ремси, ни Джейн не упомянули вчерашнюю ссору, казался обыденным, потому что подобное происходило чуть ли не ежедневно, и уже на следующее утро никто особо не вспоминал ни о самом конфликте, ни о его причинах (если таковые вообще имелись).

– Я пойду переоденусь, – обратилась мать к Оскару, – а после ты расскажешь мне, как прошел твой день, хорошо?

– Хорошо! – мальчик, стоявший несколько последних минут в страхе произнести что-то «не то», тут же воспрянул духом.

– Отлично, – Джейн подняла с пола сумку и направилась к лестнице. – И да, Ремси, – она остановилась как раз напротив старшего сына и взглянула в его, как и ее, глубокие карие глаза, – раз ты закончил с подготовкой к экзамену, значит, завтра ты целый день свободен, не так ли?

Парень на секунду опешил.

– Вообще, я планировал завтра тоже позаниматься.

– Ну, ты сам сказал, что готовился сегодня все утро и *постараешься* сдать экзамен на высший балл. И как говорит твой отец – «отдыхать тоже надо», верно, Майкл? – мужчина кив-

нул на эти слова. – А что такое отдых? Правильно – это смена деятельности: переключение с умственной на физическую.

Ремси не нравилось, куда шел этот разговор, и он мысленно ждал «приговора», который в ближайшие секунды вынесет Джейн.

– Завтра у меня выходной, а так как в городе еще будет стоять хорошая погода, мне просто необходимо заняться садом. Вы с Оскаром мне поможете.

Вот оно. Юноша мысленно сматерился, сохраняя невозмутимое выражение лица и продолжая смотреть на мать. Работать в саду, когда ему нужно направить все свои силы на подготовку к финальному экзамену GCSE²? *Отвратительно, это просто отвратительно.* Но отвертеться не получится, иначе Джейн поймет, что он ей соврал. Хотя Ремси полагал, что она *поняла*, что он ей соврал, и потому решила его проучить. Однако он не отступит и не откажется от своих слов.

– Возражений не приемлю. И помой посуду, Ремси, – с этими словами Джейн устремила наверх.

Расправившись с грязной посудой, которой только прибавилось после того, как поужинала мать, парень двинулся в свою комнату. Резким движением он закрыл дверь: оставалось катастрофически мало времени для подготовки. Вариант «позаниматься завтра вечером после работы в саду» был манящим, но вместе с тем самым лживым из существующих. Ремси слишком часто попадался на удочку своего сознания, когда откладывал что-то на потом, однако это «потом» практически никогда не наступало. С финальным экзаменом по математике нельзя было так поступить – уж слишком желанной была сделка, заключенная с родителями на окончание средней школы.

Согласно ей, Ремси должен сдать все свои экзамены, и после этого, в конце июня, он сможет отправиться в четырехдневный поход, в который его пригласила Мора. Однако если в августе, когда придут результаты, выяснится, что он получил хотя бы одну неудовлетворительную оценку, то в качестве наказания весь следующий год парень будет выходить из дома только с разрешения Джейн. Мать выставила действительно жестокие условия, но желаемая награда была слишком манящей, поэтому Ремси согласился на них и во время подготовки не устал напоминать себе, что стояло на кону.

Юноша поставил ноутбук на зарядку, открыл файл с вариантами заданий, разложил перед собой листы с раздаточным материалом и углубился в работу. Ему предстояло осилить за сегодняшнюю ночь несколько геометрических задач, которые вызывали наибольшую трудность, а также по возможности разобраться с заданием по вероятности. *Глобальный план, ничего не скажешь.*

Когда Оскар зашел пожелать брату спокойной ночи, солнце уже село, а электронные часы на комодке показывали «23:11». Парень сидел на кровати перед ярко горящим экраном ноутбука, а слева от него раскачивалась от прохладного ветра персиковая занавеска.

– Доброй ночи, Ремси, – Оскар стоял на пороге в своей полосато-тигриной пижаме и потирал тыльной стороной ладони слипшиеся глаза.

– Доброй ночи, Оскар, – юноша повернулся в сторону брата и громко зевнул: дневной сон явно не насытил его достаточным количеством энергии.

– Мама сказала, что завтра встаем в восемь часов, завтракаем и идем в сад.

– Зачем так рано? – застал Ремси. – Мы что весь день будем возиться в этом саду?

– Нет, – Оскар покачал головой. – До обеда.

– Ну хоть что-то хорошее.

– После обеда мы все вместе поедem в магазин.

² Экзамены GCSE (General Certificate of Secondary Education) – это выпускные экзамены, которые сдают школьники Англии, Уэльса и Северной Ирландии в возрасте 16 лет по окончании средней школы, перед переходом на Sixth Form.

Ремси еле сдержался, чтобы не высказаться вслух. Он сделал глубокий вдох, и его взгляд вернулся на решение задачи про длину катета.

– Тогда иди спать, Оскар, завтра будет тяжелый день.

– Ты тоже не засиживайся допоздна! – мальчик махнул рукой и прикрыл за собой дверь.

Сад, магазин, экзамен. Конечно, мне же больше нечем заняться в этой жизни... Так, спокойно. Мора.

Взяв лежащий рядом телефон, парень быстро напечатал несколько сообщений подруге, рассказав о произошедшем за вечер. Ее ответ не заставил долго ждать и пришел в течение следующих пары минут: *«Дерьмо, она наверняка поняла, что ты соврал, и решила устроить тебе завтра увлекательное приключение».*

Прообщавшись с Морой до часу ночи, Ремси пожелал ей приятных снов и наконец отложил телефон. Длина катета так и не была найдена, а сам юноша был готов уснуть, лишь на секунду прикрыв глаза. Но он поборол сонливость тем, что спустился на первый этаж и сделал себе кофе.

Звук кофемашины был единственным, что нарушал тишину спящего дома, а фонарный свет, льющийся из не зашторенных окон, – единственным, что разрезал темноту кухни. Обычно родители: и отец, и мать, – ложились поздно, особенно Джейн – она могла до утра просидеть за обеденным столом, где всегда работала. Шум ноутбука, грязная чашка из-под кофе и темные круги под глазами давали понять, что она разбирала новое дело всю ночь. Но завтра воскресенье, а следовательно, ей не нужно подсакивать с кровати в шесть утра, собираться, чтобы выглядеть как с иголки, и стремглав ехать в палату³ или суд.

Ремси вернулся к себе и, периодически отхлебывая кофе, продолжил решать задачи. Он закончил, лишь когда голова невыносимо раскальвалась от усталости, а за окном начали рассветать утренние сумерки. Выключив ноутбук и закутавшись в одеяло, парень провалился в сон.

³ Палата (барристеров) – это группа независимых барристеров, которые делят между собой офисные помещения, административные ресурсы и клерков, но при этом каждый из них ведет юридическую практику как индивидуальный предприниматель.

Глава 2. Ухаживание за цветами

Оскар не соврал – Джейн зашла в комнату Ремси ровно в восемь утра с грозным «Подъем!» и, не закрыв за собой дверь, спустилась на первый этаж. Парень, отвернутый к окну, глухо застонал. Он был не в силах не то чтобы подняться с кровати – он не мог заставить себя даже разомкнуть веки. Голова гудела от нехватки сна и переизбытка информации.

Перевернувшись на правый бок, Ремси заспанными глазами уставился на представший перед ним коридор, отделанный темным деревом: прямо напротив виднелась дверь в спальню родителей, правее скрывались стены ванной комнаты, а в левой части находилась детская Оскара и одномаршевая лестница. В центре коридора располагался небольшой атриум, деревянное ограждение вокруг которого не давало свалиться на первый этаж. Джейн в свое время очень понравилось это дизайнерское решение, однако подразумевающийся при наличии атриума стеклянный потолок, обычно пропускающий естественный свет, был заменен на длинную люстру, красиво свисающую каскадом и освещающую оба этажа.

Из ванной бодро шагал Оскар, которому, судя по всему, не терпелось попробовать себя в роли садовника. На секунду он остановился в проеме с радостным «*Доброе утро!*» и продолжил шагать на кухню.

Ремси потянулся к лежащему на тумбочке телефону, смахнул пару уведомлений, после чего протер тыльной стороной сухие, покрасневшие глаза.

– Либо ты сейчас же спускаешься завтракать, либо твой следующий прием пищи будет только после того, как мы вернемся вечером из магазина, – как гром раздался с первого этажа голос Джейн.

Тяжело вздохнув, Ремси заставил себя подняться с кровати. В этот момент его голова закружилась, и пространство вокруг поплыло так быстро, что юноше пришлось ухватиться за стоявший около двери комод, чтобы не рухнуть на пол. *Стой*, пронеслось у Ремси в мыслях. *Только не падать.*

На кухне уже сидели отец и Оскар. Несмотря на то что обеденный стол был рассчитан на шестерых человек, родители обычно сидели во главе с разных сторон, а братья занимали по одному из двух свободных мест напротив друг друга.

Сейчас Джейн стояла около плиты и следила за жарящейся яичницей. Слева от нее звякнул тостер.

– Ремси, намажь тосты маслом, – обратилась Джейн к сыну, когда тот вышел из-за угла прихожей.

Парень глянул сначала на отца, читавшего что-то в телефоне, потом на Оскара, рассматривающего узоры на салфетке, но ответа на не заданный вслух вопрос «*Почему я?*» так и не нашел. Поэтому он прошел к холодильнику, достал оттуда пачку масла, выловил тосты – после чего Джейн сразу же забросила подрумяниваться два новых кусочка – и принялся их намазывать. Оскар переключил свое внимание на брата и стал внимательно за ним наблюдать.

– Майкл, чай готов, – сказала Джейн, когда засвистел чайник. – Майкл!

– А? – Отец оторвал взгляд от экрана смартфона.

– Я говорю, чай готов, – раздраженно повторила мать. – Хоть в воскресенье утром отложи телефон и приготовь своей семье чай.

Ремси краем глаза наблюдал, как отец разливает свежесваренный чай, добавляет в чашки молоко, после чего расставляет их на столе. Когда звук тостера сообщил о готовности второй партии тостов, Оскар, явно желавший поучаствовать в этом утреннем шоу, подскочил со стула, но Джейн его тут же остановила:

– Сиди, твой брат сам прекрасно справится, – после этих слов она поставила перед мальчиком тарелку с яичницей. – Ешь.

Твой брат сам прекрасно справится. Что ж, пожалуй, только в таком контексте – только намазывая горячие тосты маслом, лишь бы этим не занимался Оскар – Ремси мог услышать подобное от своей матери.

Воскресный завтрак прошел в привычной для семьи Линн манере: Ремси молчал, Оскар иногда делился историями из школьной жизни, которые забывал рассказать во время учебной недели, отец жаловался на работу в университете и безответственность большинства студентов: *«Я понятия не имею, как их заинтересовать! Они просто не слушают меня на лекциях, зато под конец семестра все как один быстренько активизируются, чтобы получить высокую оценку за экзамен»*, – а Джейн что-то обдумывала, судя по ее застывшему на сахарнице взгляду.

Когда отец принялся рассказывать очередную университетскую историю, которую все слышали уже несколько раз, Ремси глянул на Джейн – та по-прежнему смотрела на сахарницу, держа в руке вилку, и не моргала. Внутри парня на мгновение зародился огонек любопытства, который тут же поспешно был затушен. *Плохая идея.* Какая-то часть Ремси хотела узнать, над чем так усердно думала мать, но другая, превосходящая, часть не желала в это впутываться. Потому что иначе он задал бы слишком много вопросов, на которые, признаться честно, Ремси уже и не надеялся получить хоть что-то, похожее на ответ. Какое-то время назад, будучи ребенком, он пытался это сделать, но сейчас ему казалось, что понять Джейн Линн просто невозможно. Поэтому юноша не стал углубляться в собственные рассуждения и предположения и просто продолжил завтракать.

Расправившись с утренней яичницей, тостами и чаем, Ремси встал из-за стола, чтобы пойти умыться.

– Спасибо за завтрак, – сказал он, убирая грязную посуду в раковину.

– Спасибо за завтрак! – также поблагодарил Оскар и, последовав примеру брата, составил тарелки и чашку в раковину.

– Пожалуйста, Оскар. Наелся? – на этот вопрос мальчик кивнул. – Хорошо, тогда вы, – на сей раз мать обратилась к обоим сыновьям, – идите переодеваться, и через пять минут жду вас в саду. Мне тоже нужно переодеться и подготовить инвентарь, поэтому, Майкл, посуда на тебе. Понял меня? – Но отец был опять увлечен пиксельным экраном. – Майкл, черт тебя подери! Ты понял?

– Да, да, – мужчина перевел взгляд на жену и виновато улыбнулся. – Понял тебя.

Ремси поднялся в ванную комнату на втором этаже, почистил зубы и, вернувшись к себе, переделся не в самые свежие штаны и футболку. Погода за окном стояла неплохая, но все же хуже, чем вчера – кучевые облака усеивали небо.

Дверь, ведущая из кухни в сад, уже была открыта. Сам задний двор занимал небольшую территорию и располагал на ней несколько клумб, засаженных яркими цветами, и место под барбекю: гриль и стол-скамью, за которым довольно редко ужинали члены семьи.

Выйдя на улицу, Ремси заметил склонившуюся к земле Джейн в джинсовом комбинезоне, протертой футболке и с банданой на голове. В такие моменты – во время работы в саду – она напомнила Ремси бабушку не только одеждой, но и своей манерой ухода за садом, поскольку очень трепетно относилась ко всем выращиваемым здесь цветам. Хотя Джейн ни за что в жизни бы не признала этого сходства со своей матерью. Да и вообще, *любого* сходства с ней.

– Бери тяпку, – велела Джейн, как только заметила сына, и кивнула на клумбу рядом с цветочной оградой, – твоя работа вон там. Мне же не стоит напоминать, что к чему?

– Нет, – на секунду он замолчал, обдумывая крутившийся на языке вопрос. – Принести складные стулья из гаража? Чтобы было удобнее?

Джейн свела брови к переносице, и в тот момент Ремси мог предвидеть ответ: *«Какой тебе складной стул? Ты подросток – значит, можешь прополоть все здешние клумбы на кор-*

точках», однако неожиданно взгляд матери смягчился, а рука переместилась на спину, поглаживая ее.

– Да, принеси, – сказала Джейн и повернулась к появившемуся Оскару, чтобы объяснить тому его задание на сегодня.

Растерянно кивнув, Ремси пересек сад, прошел мимо гриля и отворил заднюю дверь гаража – тот был небольшим, из-за чего имеющийся в семье автомобиль большую часть времени был припаркован перед домом на специальной брусчатой площадке. В гараже хранились вещи не первой необходимости: коробки с праздничной посудой и старой одеждой, несколько мешков с углем, инструменты отца, велосипеды братьев, садовый инвентарь. В одном из углов даже лежали покрывшиеся слоем пыли спальные мешки, а рядом с ними стояла металлическая стремянка, ведущая на чердак, и несколько походных стульев. Подхватив три из них, парень вернулся в сад.

Оскар, нацепив перчатки, уже копался в земле и выдергивал сорняки, однако Джейн куда-то отошла.

– Садись, – Ремси поставил стульчик рядом с братом, – удобнее будет.

– Да мне и так неплохо, – отозвался мальчик: он сидел на корточках с чуть высунутым языком и внимательно изучал раскинувшиеся перед ним люпины лимонного цвета. – Но спасибо.

– Посмотрим, как тебе будет «неплохо» через час такого сидения, – усмехнулся юноша и, оставив второй стул около перчаток Джейн, направился к своей клумбе.

Она была полностью засажена разноцветными петуниями: кипельно-белыми, ярко-розовыми, лиловыми и темно-бордовыми. Цветов было так много на небольшом земельном квадрате, и они так плотно прилегали друг к другу, что, казалось, могли выдержать вес человека, если тот решит лечь на них.

Устроившись на стульчике, Ремси с тяпкой в руке приступил к работе. Торопиться было некуда – ему все равно предстояло провести всю первую часть дня в саду, этот факт оставалось только принять.

Спустя пару минут вернулась Джейн с небольшими металлическими ведрами, куда следовало сбрасывать сорняки. Сама женщина обрабатывала клумбу со своими любимыми цветами – воздушными нежно-розовыми пионами – и не позволяла никому другому этого делать. Ремси никогда не понимал ее одержимость пионами: отец ни разу не радовал мать букетом из них, а бабушка лишь одним летом выращивала их у себя в саду, – но тем не менее Джейн ухаживала за этими цветами так, как не ухаживала ни за какими другими, что росли на ее клумбах. Иногда Ремси мог поклясться, что пионы она бережет и любит больше всего, что есть в ее жизни. *Какого это, когда родная мать любит какие-то цветы больше, чем тебя – ее родного ребенка?* Но разве это возможно? Ремси потряс головой, стараясь отогнать ненужные мысли, но вместе с тем глубоко в душе понимая, что в случае с Джейн возможно все.

С бабушкой же было наоборот.

Ремси пять лет. Он энергично раскачивается на бабушкином плетеном кресле, в то время как приятный голос Джорджа Харрисона, доносящийся из проигрывателя, будто и вправду наполняет гостиную солнечным светом⁴. Через приоткрытое окно ветер пригоняет в дом сладкие запахи распустившихся в саду цветов, а с кухни в это время веет ароматом румянившегося в печи пастушьего пирога.

⁴ Речь о песне «Here Comes the Sun» английской группы The Beatles.

– Бабуля Линн! – восклицает Ремси, когда бабушка появляется в дверях с корзинкой для вязания.

Бабуля Миранда Линн на самом деле носит другую фамилию – ту, что была у ее дочери Джейн до замужества, – Спенсер. Но с тех пор как Ремси выучил свою фамилию, он не перестает окрещивать ей любого, кто ему дорог. Так и Миранду, бабушку со стороны мамы, он всегда называет Линн. Но она совсем не возражает, даже, наоборот, поддерживает в этом внука и не перестает рассказывать ему историю, откуда пошел *их* род. Ремси (даже будучи шестнадцатилетним подростком) помнит ее до малейшего слова: согласно бабушкиной легенде много лет назад их семья жила недалеко от озера Бала в уэльском графстве Гуинет, откуда и пошла фамилия Линн, ведь *lynn (llyn)* в переводе с валлийского означает *озеро*. И Ремси отчего-то так сильно нравится эта история, что однажды он даже решил поделиться ей со своими одноклассниками в школе, но те по непонятной причине не смогли оценить всю красоту и глубину услышанного и лишь посмеялись над ним.

– А когда мы будем обедать? – спрашивает мальчик.

– Скоро, дорогой, скоро, – кивает старушка и усаживается на диван. – Иди сюда, я пока продолжу вязать новый свитер тебе на зиму, а ты потренируйся в набирании петель, договорились?

Неусидчивый на месте Ремси соскакивает с кресла-качалки, чтобы запрыгнуть точно на диванную подушку, но слегка промахивается и чуть не врезается в бабушку.

– Аккуратнее, дорогой, – смеется она. – Я же все-таки спицы в руках держу.

– Прости, бабуль, – виновато поджимает губы мальчик. – Но я готов вязать!

Миранда Спенсер живет на севере Уэльса, в деревне Лланберис, куда каждое лето ее приезжает проведать любимый внук. На время каникул Ремси, преодолев десятичасовой путь на машине вместе с отцом, остается у бабушки в компании ее джек-рассел-терьера Зигги на два заслуженных месяца отдыха. Мама почему-то никогда не составляет им компанию и предпочитает оставаться в Истборне, но ни папа, ни бабушка не могут объяснить причину. Ремси не понимает. Но еще он не понимает, почему мама так холодна по отношению к нему.

– Она просто очень устает на работе, дорогой, – утешает его бабуля Линн, одновременно показывая, как правильно держать в руках спицы, – ей чисто физически не хватает сил. Ее работа очень престижна, однако требует немалых усилий. Но поверь, она делает это ради тебя – зарабатывает деньги, чтобы кормить, одевать, баловать тебя, ведь она любит тебя, дорогой, ты ее единственный и любимый сын.

И Ремси верит словам бабушки как постулату. Но каждый раз, когда он возвращается домой в начале сентября и из раза в раз вместо теплой улыбки видит на лице матери непроницаемую безэмоциональную маску, его вера разбивается на тысячи осколков, глубоко врезающихся в самое сердце.

– Перерыв, – объявила Джейн около половины одиннадцатого. – Идите оба, наденьте кепки, а то через пару часов солнце может начать припекать.

Отец, время от времени выходивший на улицу понаблюдать за процессом, вынес небольшой поднос с кувшином прохладного, свежеприготовленного лимонада и поставил его на стол, приглашая членов своей семьи чуть охладиться.

– Вы такие молодцы, – похвалил он жену и сыновей, при этом понятия не имея, чем именно они здесь занимались целое утро.

– Молодцы будут, когда все клумбы прополют, – Джейн сделала жадный глоток лимонада. – Ремси, займись теперь лавандой – выколи ее.

– Имеешь в виду, сами цветы? – переспросил юноша, опустошая свой стакан.

– Нет, только корни, стебли и бутоны, – съязвила Джейн.

Ремси бесшумно выдохнул через нос, пытаясь сохранить спокойствие.

– Но зачем? Она еще даже не успела расцвести.

– Тебе не все ли равно? – Джейн удивленно выгнула бровь, но все же объяснила: – Уж слишком много мороки с этим цветком – за ним очень тяжело ухаживать, а у меня на это нет ни времени, ни сил, ни настроения.

– Но зачем ты тогда ее посадила? – спросил Оскар.

– А посадила я ее в тот момент, когда была при времени, силах и настроении. Однако жизнь идет и что-то меняется. Необязательно все доводить до конца.

Да ну? В свое время мать учила Ремси совсем другому, и их более ранние конфликты часто возникали именно на этой почве.

– Поэтому будь добр, – Джейн вновь повернулась к старшему сыну, – избавься от нее.

Ремси семь лет. Он лежит на прохладном покрывале и взглядом ловит солнечных зайчиков, проскакивающих сквозь не до конца зашторенное окно.

Проигрыватель выключен, в доме тихо. Бабуля Линн, перед тем как уйти отдохнуть к себе в спальню, наказала внуку поспать, чтобы набраться сил и чуть позже вместе выйти в сад. Бабушка никогда не называет это «работой в саду», только «ухаживанием за цветами». После сытного обеда мальчик пытается поймать дневной сон вместе с зайчиками, но лишь безрезультатно ворочается на кровати, сминая в ногах покрывало. Отвернувшись к стене, Ремси начинает выводить пальцем узоры на обоях, но быстро заскучав, тяжело вздыхает и переворачивается на другой бок.

Зачем спать днем, когда можно заняться другими, куда более интересными делами? Например, поиграть в саду, или сходить до озера, покидать с Зигги летающую тарелку, или посмотреть телевизор.

Решив, что заснуть ему так и не удастся, Ремси резко встает с кровати, чуть не врезавшись по пути в деревянный шкаф, и выглядывает в гостиную: никого нет, а дверь в комнату бабушки прикрыта. Слобно мышонок, мальчик осторожно ступает по расшитому ковру и выходит на задний двор. Июль балует деревушку Лланберис согревающими лучами, и Ремси хочется последовать за ними, как в одной из тех песен, что поет Пол Маккартни⁵.

Мальчик прогуливается по небольшому, но очень ухоженному садику: будто вместо воды его поливают любовью, а вместо удобрения подсыпают заботу. Клумбы с яркими цветами, над которыми кружат пчелы, пестрыми пятнами разбросаны по всему заднему двору. Ремси подходит к пышному кусту малины и, срывая несколько ягод, забрасывает их себе в рот. Те же манипуляции он проделывает с росшими рядом кустиками черники, и мальчика словно дергает от воспоминания, какой невероятный черничный пирог готовит его мама – со сгущенным молоком и мороженым. Она готовит его исключительно на свой день рождения, и это, пожалуй, самый вкусный пирог, который Ремси когда-либо пробовал.

Как только лицо мамы всплывает у мальчика в мыслях, он растерянно вертит головой и находит взглядом уже подсохшие и поникшие пионы нежно-розового оттенка. По их стеблям и бутонам ползают вверх-вниз муравьи.

Разглядывая чуть покачивающиеся на ветру цветы, маленький Ремси вновь задает себе один и тот же вопрос: *Что я сделал не так?*

⁵ Речь о песне «I'll Follow The Sun» английской группы The Beatles.

Из водоворота безответных размышлений мальчика выводит звенящая зарянка, которая сидит на соседском дереве и дает концерт со своей радостной песней всем поблизости. Ремси переключает свое внимание на птицу и какое-то время просто наблюдает за ней.

– Я ведь велела тебе поспать, – раздается голос бабули Линн – она стоит на пороге, уткнув руки в бока.

– Не могу жить без музыки, – мальчик невинно улыбается. – Пластинками я бы разбудил тебя, а мисс Зарянка поет не сильно громко.

Бабушка качает головой.

– Тогда будем сейчас ухаживать за цветами под а капеллу мисс Зарянки, – после она вновь скрывается в доме.

Ремси идет за ней, чтобы помочь принести необходимые инструменты. И спустя пару минут они выходят из прилегающей к гостиной комнаты с двумя складными стульчиками, садовым инвентарем и игрушечной лопаткой.

– Так нам будет гораздо удобнее работать, – говорит старушка и приглашает внука сесть на второй стул рядом с собой. – Смотри, дорогой, хоть нам уже с тобой и не нужно пропалывать землю в конце июля, всем цветам необходимы ежедневные уход и забота. Например, лаванда любит рыхлую почву, а также очень важно контролировать полив: не давать ей высохнуть, но и не заливать ее целым ведром воды. Вообще, лаванда очень вредная сама по себе.

– Для человека? – удивленно спрашивает Ремси.

– В больших количествах, конечно, да. Но я имею в виду ее поведение – за ней трудно ухаживать.

– Но ты же все равно садишь ее каждый год.

– Верно, дорогой.

– Но почему, раз она очень вредная?

– Потому что она также очень красива. Красивые цветы стоят того, чтобы за ними ухаживали.

– А некрасивые?

Бабушка на мгновение замолкает.

– Знаешь, не бывает некрасивых цветов, Ремси. Если ты не готов тратить свое время на ухаживание за «некрасивым» цветком, найдется тот, кто посчитает его самым прекрасным, полюбит его всем сердцем и отдаст ему всю свою заботу. Понимаешь, что я имею в виду?

– Да, – кивает мальчик. Взгляд его в это время застывает на раскачивающихся на ветру нежно-розовых, чуть подсохших пионах. – А я красивый цветок? – вдруг спрашивает он.

– Для меня ты самый красивый маленький цветочек, – бабуля Линн ласково гладит внука по голове.

– Ты же раньше никогда не сажала пионы.

– Да, но я подумала, что, может, в этом году приедет твоя мама, раз она не приехала в прошлом на мой юбилей. Я хотела ее порадовать, ведь это ее любимые цветы.

– Я знаю, – почти неслышно произносит Ремси.

– Но видишь, они у меня совсем не прижились, все поникли, поэтому вряд ли я их снова посажу.

Следующий перерыв они сделали ровно в полдень. Джейн пошла искать мужа, чтобы дать ему наставления по поводу обеда. Братья же в это время опустошили кувшин с лимонадом и, вздыхая, уселись за стол. Оскар не порывался завести разговор, как он обычно делал в моменты долго тянущейся тишины, что говорило о его усталости: мальчик молча разглядывал, как ветер игрался с ветками сирени, росшей за живой изгородью.

Может, в ближайшие минут десять пойдет дождь? Ремси понимал, что это не сильно их спасет, но надежда была – он уже тоже вымотался, особенно работая под солнцем, и хотел вернуться к себе в кровать, чтобы просто полежать, уставившись в потолок, или полазить в интернете, но запланированная матерью поездка в продуктовый и подготовка к экзамену по математике висели над ним куда более темными грозowymi тучами, чем те кучевые облака, что в действительности пригнал ветер.

Джейн вернулась минуты через три. Даже если она и вымоталась, то ни разу такой не выглядела.

– Оскар, все в порядке? – спросила она, опускаясь на колени перед младшим сыном.

– Да, – кивнул мальчик, – просто немного устал.

– Посиди тогда еще, ладно? Хотя знаешь что, сложи аккуратно свои перчатки и иди-ка в дом. Думаю, папе не помешают сейчас твои веселые рассказы, а тебе самому – отдых, идет?

– Хорошо, – Оскар чуть оживился и, стянув садовые перчатки, скрылся в доме.

– Ремси? – Джейн повернулась к старшему сыну.

Это не был вопрос о самочувствии от любящей матери, только ожидание подтверждения готовности.

– Да, – лишь сказал Ремси и встал со скамьи.

По пути к последней клумбе юноша думал о том, что не отказался бы сейчас от пластинки с какой-нибудь бодрой музыкой, иначе он уснет прямо на стульчике, завалившись на одеяло из бело-розовых флоксов.

Ремси девять лет. Под энергичную композицию группы Boney M., раздающуюся из проигрывателя, он пробует связать свой первый настоящий шарф. Бабуля Линн где-то вычитала, что эта зима в Истборне будет холоднее и суровее прошлой, поэтому посоветовала мальчику как следует к ней подготовиться.

Сама бабушка сидит на кухонном стуле и наблюдает за поднимающимися в печи сконами. Слушая доносившуюся с гостиной музыку и напевание внука, она слабо топает в такт ногой. Ее рука неустанно теребит подол потрепанного фартука, а впалые карие глаза, источающие уныние, неотрывно смотрят на фотографию на холодильнике.

– Ремси, дорогой, – зовет старушка внука, – подойди ко мне, пожалуйста.

Мальчик послушно оставляет спицы с пряжей на диване и направляется на кухню.

– Да, бабуль?

– Расскажи мне, пожалуйста, про Оскара, – просит она, все не отрывая глаз от снимка, что отдал ей Майкл, когда привез сына, – фото с выписки из больницы, на котором мама стоит с новорожденным малышом на руках.

– А что рассказывать-то? – Ремси не нравится, что даже в доме у любимой бабушки речь вдруг заходит о его младшем брате. – Ребенок как ребенок – плачет и все время хочет есть.

– Когда он родился, не напомнишь?

– В октябре прошлого года. Тринадцатого числа, – добавляет Ремси, сам толком не понимая зачем.

– Так значит, через пару месяцев ему уже будет годик, – бабушка улыбается, но вместе с тем уголки ее губ опущены.

– Лучше бы он вообще не родился, – зло говорит мальчик.

– Ремси! – вскрикивает бабуля Линн, будто пораженная током. – Как тебе не стыдно такое говорить о собственном брате! Ведь он частичка тебя!

– Если бы он был частичкой меня, мама с папой любили бы нас одинаково, – тихо возражает Ремси. – А так они любят его больше.

– Что за вздор, дорогой. Они любят вас одинаково, просто Оскар еще совсем маленький и ему требуется чуть больше заботы твоих родителей.

Чуть больше – это вся их забота? Все их время? Вся их любовь?

– Тебе очень повезло, что у тебя есть младший брат, – серьезно говорит бабушка. – Твой самый близкий друг. Когда он подрастет, ты станешь ему настоящим примером, так что будь осторожен в своих действиях, хорошо?

Ремси ничего не отвечает – он очень хочет, чтобы этот диалог закончился. С какой-то стороны он понимает слова бабушки и, как и всегда, хочет им верить, но в последнее время на это требуется больше сил, чем раньше.

– Почему они не привезут его сюда, чтобы ты могла хоть раз взглянуть на него?

– Не знаю, дорогой, – эта фраза звучит так неуверенно, что Ремси, даже не осознавая, не ведется на нее. – Булочки будут готовы через двадцать минут, чем хочешь заняться в это время?

Немного думая, мальчик отвечает:

– Хочу посмотреть старые альбомы.

Отчего-то Ремси нравится время от времени перелистывать альбомы, которые бабушка бережно хранит на нижней полке гостиного шкафа. Причем там лежит целое собрание разных по размеру памятных книг: одна, самая потрепанная, таит в себе воспоминания из детства и юношества самой бабули Линн и ее родителей, в другой, с твердой темно-зеленой обложкой, собраны фотографии мамы – с рождения до ее поступления в Университет Права, третья, совсем маленькая и заполненная меньше, чем наполовину, – это свадебный альбом родителей, и еще одну – книгу со звездами и крупным полумесяцем на обложке – бабуля Линн ведет специально для Ремси.

Но мальчик всегда тянется к темно-зеленому альбому, и этот раз не становится исключением. Ему нравится смотреть на фотографии мамы, сделанные в его возрасте, и отмечать, насколько они похожи друг на друга. Они действительно были похожи: в детстве ее волосы непослушно завивались, как у самого Ремси, и только, уже будучи взрослой, мама стала каждый день выпрямлять их, не желая мириться с природными кудрями.

– Расскажи мне еще раз, как познакомились мама с папой, пожалуйста, – просит мальчик бабушку, тыкая в один из снимков, где запечатлены Джейн в бордовом платье и Майкл в коричневом костюме.

– Ты эту историю уже лучше меня знаешь!

– Ну расскажи, пожалуйста. У тебя всегда лучше получается.

Бабуля Линн смотрит на фотографию и поджимает губы.

– В тот год твоя мама часто ездила в Лондон. Она мечтала попробовать на вкус взрослую жизнь и поступить там в университет, хотя я говорила ей, что это плохая затея, что она еще не готова.

Ремси вспоминает другую фотокарточку – самую, по его мнению, красивую из всех имеющихся в этих альбомах. На ней его мама с широкой улыбкой на губах, в короткой юбке и теплом плаще стоит под дождем перед аркой одного из лондонских университетов. Мальчик знает, что фото было сделано до того, как она встретила его отца, но он не помнит, что это был за университет и какая эмблема была изображена на замковом камне позади. Но это был не Университет Права. *Точно нет... Или да?* Этот мелкий факт стерся из памяти Ремси, и сколько бы он ни пытался вспомнить, у него не получалось. А еще он нигде не мог найти ту фотографию – ни в одном из бабушкиных альбомов ее не было, хотя мальчик мог поклясться, что раньше она была вклеена именно в темно-зеленый.

– Но она меня не слушала, – продолжает бабуля Линн, – подростки вообще редко слушают своих родителей. Однако в конце июля Кейт, подруга твоей мамы, повела ее на танцы,

где они с твоим папой и познакомились. Они очень быстро нашли общий язык и влюбились друг в друга.

– И мама не поехала в Лондон ради папы?

– Да, дорогой, он смог уговорить ее остаться в Уэльсе. Они так сильно полюбили друг друга, что не могли даже и думать о том, чтобы проводить время порознь. Потом они решили переехать в Истборн, где сейчас живешь ты, из-за его благоприятного морского климата. Там твоя мама закончила с отличием Университет Права, они сыграли красивую свадьбу, после чего и родился ты.

Эта история кажется Ремси очень трогательной и романтической, но он как будто чувствует в ней подвох и несостыковки, которые пока не может уловить и объяснить.

– Мама пожертвовала своей учебой, чтобы быть с папой?

– Дорогой, что за глупости ты говоришь! Она ничем не жертвовала – твой папа, наоборот, направил ее на верный путь, за что я ему очень благодарна. Юриспруденция – великое и благородное дело.

– А папа где-то учился?

– Он как раз защитил свою магистерскую диссертацию по английской литературе, когда они познакомились. Твой папа был и остается очень начитанным и грамотным человеком, настоящий алмаз!

Вот маме повезло с ним, думает Ремси.

Потом он берет в руки другой альбом, самый старый, и бабушка ударяется в воспоминания о своих детских годах, а мальчик завороченно ловит каждую букву и не смеет перебивать, чтобы не разорвать нить повествования, которое старушка так аккуратно выводит в словесную картину перед собой. Одной чуть дрожащей рукой водит по снимкам и переворачивает страницы, в то время как другой обнимает рядом сидящего внука.

Зигги лежит около открытой задней двери и, довольно высунув язык, нежится в лучах заходящего августовского солнца.

– Мне надо проверить булочки, дорогой, – спустя время говорит бабуля Линн. – А то мы же не хотим, чтобы они поджарились.

С этими словами она откладывает альбом и неспешной походкой направляется на кухню, а Ремси в этот момент вскакивает с дивана, чтобы перевернуть затихшую пластинку. Гостиную вновь окутывают мелодии Boney M., и ноги мальчика непроизвольно пускаются в пляс. Подхватив ритм и заскользив по деревянному полу в своих ярких носках, Ремси отдается музыке и влетающему в дверь теплему ветру.

– Дорогой, все готово, – окликает его бабушка. – Иди, я налила чай.

И мальчик, не сбавляя темпа, устремляется на кухню.

– Вижу, тебе пришлись по вкусу мои музыкальные предпочтения, – смеется бабуля Линн.

– Мне они всегда нравились! – восклицает Ремси и отхлебывает немного чая.

– Рада слышать, дорогой. Вот, держи, ешь.

Они проводят около получаса в компании друг друга, сконов со смородиной и чая с молоком. Ремси рассуждает о том, чем займется завтра: можно вместе с Зигги прогуляться до озера Падарн, если будет стоять хорошая погода, а если неожиданно пойдет дождь, то они с бабушкой останутся дома и будут вместе смотреть телевизор.

– Ты помоешь мне ш шарфом? – просит мальчик.

– Не разговаривай с набитым ртом, дорогой, это неприлично.

– Прости, – Ремси проглатывает булочку и запивает ее чаем. – Так сможешь? Пожалуйста. А то у меня не очень хорошо получается.

– Помогу, – кивает старушка.

– Но мне вообще кажется, что вязание – это не мое, – резко выдает мальчик, опустив голову.

– Дорогой, ни у кого не получается сделать что-то хорошо с первого раза, поэтому мы и учимся.

– Никто из моих знакомых подобным не занимается... А когда я поделился с мамой о том, что хочу связать ей шарфик на Рождество, она сказала... ну, я не помню дословно («*Господи, это самое бесполезное занятие, которое только можно придумать*»), но, в общем, она не захотела, чтобы я ей его вязал.

– Но тебе-то самому нравится вязать?

– Да... нет... я не знаю. Может, и не нравится.

– Ремси, дорогой, не думай о том, что говорят другие. Если тебе действительно нравится то, чем ты занимаешься, рано или поздно найдется человек, который разделит твою страсть. Но пока этого не произошло, ни в коем случае не переставай заниматься тем, что приносит тебе удовольствие только потому, что кто-то сказал что-то неприятное, – старушка бережно поднимает подбородок внука своей обветренной морщинистой рукой и замечает на румяной щеке застывшую дорожку слез. – Запомни: если очень сильно захочешь, то сможешь достигнуть всего в этом мире, а я буду рядом, чтобы тебя поддержать.

Только бабушка могла понять его искренние чувства и желания – те, о которых он никогда никому не рассказывал и которые прятал в глубинах своей души, подальше от посторонних глаз и насмешек.

Ремси было десять, когда она умерла.

Это случилось в середине учебного года, и он всегда будет помнить тот день: тогда в Истборне бушевал шторм, один из сильнейших за последние годы: темно-свинцовое море вышло из берегов и затопило немалую часть прибрежных строений, ветер сносил все, что попадалось ему на пути, вырывал с корнями деревья и валил с ног тех неудачливых прохожих, которым не посчастливилось вовремя попасть домой. Дождь не переставая барабанил по крышам, молния своими зигзагами рассекала затянутое тучами небо, а следовавший за ней гром содрогал его.

Казалось, Истборн скорбел вместе с Ремси, который несколько дней отказывался выходить из своей комнаты, несмотря на все уговоры и предупреждения отца. Джейн в то время мальчик не видел, она не приходила к нему, и он понятия не имел, где и как она провела те дни. Даже с двухлетним Оскаром сидел отец. Иногда Ремси представлял, что в тот вечер, после того как позвонили соседи бабушки, Джейн выбежала на улицу, и ее вместе с болью подхватил и унес в безопасное место ветер. Но четыре дня спустя, впервые столкнувшись в коридоре с матерью, выглядевшей, как обычно, с иголки, без намека на ночные истерики в стальном взгляде, которые случались у мальчика, он понял, что, вероятно, ошибся.

Он помнил, как Джейн напрочь отказалась даже выслушивать идею о том, чтобы приютить беднягу Зигги, из-за чего по итогу о нем позаботились те же соседи, что и сообщили семье Линн прискорбную новость.

Наверное, в тот год Ремси бы сошел с ума, если бы через месяц к ним в школу не перевелась новенькая девочка, чья семья переехала из Бристоля. Они с Морой были совершенно непохожи и особо не пытались найти общий язык. Однако после одного происшествия на физкультуре, все изменилось, и первоначальное равнодушие стало медленно, но верно перерастать в крепкую дружбу. Поначалу они просто делились какими-то историями и болтали о разных телевизионных шоу, но чем больше времени дети проводили вместе (а сделать это было еще проще, если живете на одной улице), тем надежнее становились их не всегда идеальные отношения. Но Ремси и не нуждался в идеальности, ему вполне хватало того, что у него было –

лучшая подруга, которая могла завязать диалог на любую тему и разделяла его любовь к творчеству.

«Наконец-то закончили в этом проклятом саду, я не чувствую ни рук, ни ног, это просто кошмар» – такое сообщение Ремси отправил Море около часа дня.

Они как раз собирали инвентарь и стулья, чтобы отнести все обратно в гараж. Клумбы были прополоты и политы, и парень надеялся, что до конца лета он больше ни разу к ним не притронется.

Солнце уже успело скрыться за набевшими облаками.

– Хорошо, – Джейн отряхнула грязные перчатки и тыльной стороной ладони стерла несколько выступивших на лбу капель пота.

Это слово не служило похвалой – лишь констатацией факта, что работа завершена.

– Теперь цветы будут радовать нас, – мать очень осторожно провела кончиком пальца по лепестку пиона. – Иди умойся и будем обедать, а потом поедem в магазин.

Ремси подумал, что сейчас, вероятно, был лучший момент для вопроса, который он хотел, но пока не осмеливался задать. Примерно взвесив свои силы, он понял, что не сможет погрузиться в математику с головой, если они все сейчас поедут в супермаркет, где проведут ближайшие часа два, не меньше. Хотелось пообедать, немного передохнуть и вернуться к ненавистному предмету, однако подобный вариант исхода событий был маловероятен. Но юноша все же решил рискнуть.

– Мам, – обратился он к Джейн, когда та направилась в сторону гаража.

Женщина обернулась, вопросительно взглянув на сына.

– Могу я не ехать с вами в магазин?

– Это почему?

– Я бы хотел еще позаниматься, завтра все-таки финальный экзамен.

– Но ты же подготовился, – казалось, она с ним играла.

– Да, но ты сама всегда говоришь: нет предела совершенству. Думаю, мне надо еще немного посидеть над парой геометрических задач.

– В таком случае у тебя будет время посидеть над ними после того, как мы вернемся.

– Пожалуйста, мам, это финальный экзамен, я не могу его завалить.

– *Так не завали.* У тебя было предостаточно времени для подготовки. Ты посещал дополнительные занятия, консультировался с учительницей, писал пробные экзамены, разве не так?

– Так, – кивнул Ремси, однако понадеялся еще раз попытать удачу. – Но для математики мне все равно требуется больше времени – я же гуманитарий, как ты и папа.

– В какого же тогда своим математическим складом ума пошел твой брат? – лишь хмыкнула Джейн. – Может, он поможет тебе с подготовкой?

Парень промолчал.

– Если ты не готов к экзамену, Ремси—

– Я готов.

– Не перебивай меня, – одернула юношу мать. – Если ты не готов к экзамену, дополнительные три часа не дадут тебе ровным счетом ничего. Однако если ты готов, то эти три часа тебе просто не нужны. Иди умойся и спускайся обедать, после этого мы все вместе поедem в магазин.

Ремси пришлось сдержаться, чтобы со всей силой не хлопнуть дверью ванной комнаты. Закрывшись на щеколду, он открыл кран с холодной водой.

Хотелось кричать от только что произошедшей ситуации. Его ли это вина? Возможно. Хотя? *Нет.* Он не чувствовал себя виноватым ни перед кем. В представлении Ремси виноватой была только Джейн. Причем во всем.

Почему она не могла просто разрешить? Ну да, это же великая Джейн Гарриет Линн – все всегда должно быть так, как хочет она, и плевать на всех остальных! *Если я завалю этот*

чертов экзамен, то в августе мне конец. И ведь она будет напоминать мне это до конца дней, вот только непонятно, ее или моих – кто откинется раньше? Дерьмо, дерьмо, ДЕРЬМО!

Юношу трясло от несправедливости и садистского желания матери преподать ему «жизненный урок» – она с ним играла, без сомнений, словно ястреб, наблюдавший за загнанным в угол котенком и готовящийся устроить трапезу. Она упивалась своей властью, а Ремси не оставалось ничего, кроме как смиренно подчиняться. Из раза в раз. Каждый день. Вся свою жизнь.

Попытался глубоко вздохнуть, но злость перехватывала дыхание.

Ремси не умел контролировать гнев и направлять его в «правильную» сторону. Зато он думал, что умел его «преобразовывать», и чтобы не мучиться от боли психологической, парень причинял себе боль физическую. Так он поступил и в этот раз.

Стянув с себя штаны и бросив их на пол, Ремси открыл навесной шкафчик и потянулся за отцовской бритвой. Сильнее пустив воду в попытке заглушить собственное рваное дыхание, юноша провел ладонью по испещренному мелкими шрамами бедру: большинству из них было уже несколько лет. *Это неправильно.* Комната поплыла перед глазами. *Я не должен этого делать.* Вцепился рукой в край ванны, чтобы не упасть. *А кого это вообще волнует?* Сжал в пальцах холодный металл. *Это она во всем виновата.* Быстрым движением сделал то, чем занимался уже на протяжении нескольких лет – «преобразовал» гнев.

Глава 3. Игра по заданным правилам

Через несколько минут из коридора раздался голос Оскара:

– Папа зовет обедать!

Ремси казалось, что прошло минут сорок. Он стоял, опершись руками о раковину, и глядел на себя в зеркало. Непослушные темные волосы торчали в разные стороны, а карие глаза отстраненно изучали лицо в отражении. Гнев ушел, его место заняла отчужденность. Бедро болело, но парень уже успел обработать порез и заклеить место пластырем. Завернув лезвие в несколько слоев туалетной бумаги, он закрыл кран и вышел из комнаты.

– Ты включаешь такой сильный напор воды, что аж на первом этаже слышно, – прокомментировала Джейн, когда ее старший сын уселся за стол. – Будь экономнее. Ты знаешь, сколько мы тратим на воду? И почему ты не переоделся? Кто обедает в той же одежде, в которой десять минут назад копался в земле?

– Ты сказала умыться и идти обедать.

– А своих мозгов додуматься переодеться у тебя, конечно, нет?

– Я могу сходить переодеться, – тон Ремси был ровным. На самом деле в тот момент юноше было абсолютно плевать на то, что говорила Джейн.

– Уж будь так добр, – женщина отвернулась, чтобы помочь Оскару с тушеными бобами, а Ремси встал из-за стола. – Но учти, если ты таким образом откладываешь нашу поездку в магазин, то мы все равно туда поедем, только вернемся позднее.

Поднявшись в спальню, Ремси про себя отметил, что, вероятно, к вечеру погода совсем испортится, поэтому он сменил запачканные штаны и футболку на свежие джинсы и легкий свитер и спустился назад на кухню.

Воскресный обед, приготовленный отцом, состоял из ростбифа, жареного картофеля, моркови, бобов и йоркширского пудинга. Семья отобедала молча, после чего все ее члены отправились в супермаркет, расположенный в нескольких кварталах от их дома, чтобы закупить продуктов на следующую неделю.

Ремси никогда не нравились эти поездки – они отнимали слишком много времени и конкретно ему никакой пользы не приносили: парень бесцельно ходил за родителями, иногда отвлекаясь на забавные товары, разложенные на полках.

Пройдя мимо стеллажей с моющими средствами, Ремси в очередной раз поймал себя на мысли, что Джейн просто наказывает его за вчерашнюю ложь либо же беспричинно издевается. Но вероятно, было и то и другое.

А Оскара, казалось, все устраивало: он ходил гуськом за матерью и иногда заглядывал в ее список продуктов. Еще его часто можно было застать за сложением цен и подсчетом итоговой скидки. Для своих семи лет мальчик действительно был очень смышленным, и ему, в отличие от Ремси, искренне нравилась математика.

Маленький гений, все время думал юноша, глядя на младшего брата. Родители возлагают на тебя большие надежды, я-то для них уже давно потерян.

Прогуливаясь по молочному отделу, Ремси на секунду показалось, что он заметил вдалеке мистера Льюиса, но даже если и так, им не удалось поздороваться – отец Моры уже стоял на кассе и пробивал продукты, когда как семья Линн наматывала только первый круг между полок.

На длинной очереди в супермаркете все не закончилось. Ремси предполагал такое развитие событий, но все же в глубине души надеялся хоть на каплю понимания со стороны своей матери. Однако Джейн, как только они вышли на парковку, заявила, что ей срочно нужно *в воскресенье вечером* заехать в палату, чтобы уладить одно неотложное дело. Что за дело – неизвестно, но они с отцом и Оскаром прождали ее в машине больше часа.

Домой вернулись около пяти вечера. Не самое позднее время, чтобы заняться математикой, но только не когда ты встал в восемь, успел четыре часа поработать в саду, потом бесцельно провести другие два часа в магазине и после прождать еще один час на парковке юридической палаты.

Джейн ничего не сказала, когда Ремси, лишь переступив порог дома, сразу потащился наверх. Возможно, она безмолвно наслаждалась своей мстью, своим невероятным уроком по воспитанию. Юноша же был просто измотан, у него даже не было сил злиться на нее.

Добредя до своей кровати, Ремси просто упал на нее. *Пять минут, мне нужно всего-то пять минут. Полежу, потом поем и в бой.*

Фатальная ошибка.

Разбудили парня бесчисленные уведомления от Моры – она интересовалась, во сколько и где они завтра встретятся перед экзаменом, и чередовала свои вопросы разными смешными картинками. Ремси, еще не до конца понимающий, о каком именно экзамене шла речь, потянулся, разминая затекшие мышцы. Затем от осознания его словно прошибло током. *Экзамен.* Панический узел начал закручиваться в желудке.

Часы на экране показывали половину десятого. Снаружи барабанил дождь. Ремси захотелось побарабанить себе по голове. Он отложил телефон в сторону и зажмурился. *Глупо. Безрассудно. Безответственно.* Он ведь должен был заниматься, воевать с теми непобедимыми задачами, прилагать все возможные усилия, чтобы написать завтра этот чертов экзамен. А вместо этого он уснул.

Ремси злился и винил себя за проявленную слабость. Море он не ответил, просто спустился на первый этаж. Дверь в кабинет отца была распахнута, и оттуда лился приятный, теплый свет. Видимо, отец по-прежнему готовился к новой учебной недели. Джейн, на удивление, внизу не было – только ее выключенный ноутбук и непомытая чашка из-под кофе. Ремси плеснул себе немного чая и вернулся в спальню.

Мозг сопротивлялся учебе. Как парень ни пытался себя заставить, замотивировать, перехитрить – лень душащим удавом обвивала тело и не позволяла двигаться. Так он провел еще полчаса: бессмысленно пялясь в потолок, слушая шум дождя за окном и виня себя за то, что тратит драгоценное время впустую. Однако, удивительно, Ремси продолжал лежать. Возможно, он бы снова уснул, если бы совесть ему позволила.

Спустя еще минут пятнадцать юношухватило на то, чтобы сходить за распечатками с заданиями. Глянув на часть с геометрией, Ремси поморщился. С нововведенной системой оценивания ему необходимо было получить не меньше проходного балла – 4.

– С другой стороны, – принялся вслух рассуждать парень, – завтра мне нужно просто прийти туда и написать все, что я знаю. Договор заключался в том, что я сдаю все экзамены в отведенный период и после этого еду в конце июня в поход. Про какие-то сверхвысокие баллы речь не шла, – он задумался. – Результаты придут только в августе, и до тех пор можно будет расслабиться. Ну, в каком-то смысле. В поход-то я должен поехать в любом случае. Ну, я надеюсь на это. *Просто прийти и написать.* Но если я получу меньше четверки... Она же меня съест. Что ж, это уже будут проблемы будущего меня, да простит он меня. Настоящий я должен завтра просто явиться в школу и заполнить все строчки для ответов. Неважно как, просто заполнить.

Этот монолог звучал крайне неубедительно, и умный человек никогда в жизни бы не повелся на такую подлую уловку. Однако Ремси и не считал себя умным – тем более Джейн никогда не упускала возможности убедить его в этом, поэтому юноша с чистой совестью позволил себе попасться на удочку собственного мозга.

Просто прийти и написать. С этой мыслью он выключил свет и уснул.

Следующее утро выдалось неудивительно тяжелым. Ремси, как в тумане, поднялся с кровати, умылся, съел два подгоревших тоста, пропустил мимо ушей тираду Джейн по поводу

последнего экзамена, надел свою школьную форму – темно-синий пиджак с эмблемой школы, прямые брюки, чистую рубашку, галстук – и спустился к входной двери. В окне он заметил Мору.

– Я пошел, – крикнул Ремси и, изучающе оглядев себя в зеркало, вздохнул.

Ответа не последовало: отец, преждевременно пожелавший сыну удачи, уже уехал в университет и увез в школу Оскара, а Джейн... что ж, она высказала все за завтраком.

– Доброе утро, – Мора чуть прищурилась, когда лучший друг присоединился к ней на улице. На девушке был такой же темно-синий пиджак с эмблемой, белая блузка и юбка средней длины. – Я уже подумала, ты либо решил прогулять экзамен, либо заночевал в школе.

– Привет, – сказал Ремси, чувствуя слабый укол вины – он так и не ответил на ее сообщения. – Прости, вчерашний день выдался... насыщенным.

– Да, я так и поняла, – ее голос чуть смягчился. – Сумел подготовиться?

– *Если ты не готов к экзамену, дополнительные три часа не дадут тебе равным счетом ничего. Однако если ты готов, то эти три часа тебе просто не нужны,* – процитировал мать юноша, деловито подняв указательный палец. – Я посчитал, что готов, поэтому нагло проспал весь вечер.

Мора хмыкнула и закатила глаза.

– Это надо просто пережить, – заключил Ремси.

– Переживем, куда денемся.

Мокрый тротуар и висящие над головой плотные облака напоминали о прошедшем дожде. Атмосфера вокруг – серый утренний Истборн со спешащими на работу горожанами – не навивала особой радости, лишь тоску и неизбежность приближающегося экзамена. *Последнего*, напоминал себе Ремси. Последнего не только по математике, но и в целом, что означало долгожданную свободу уже через несколько часов.

К школе друзья подошли к восьми двадцати. Сам экзамен начинался ровно в девять, но учеников специально собирали пораньше, чтобы успеть всех зарегистрировать и рассадить по аудиториям. В холле, где проходил общий сбор и повсюду толпились волнующиеся школьники, к Ремси и Море подошла высокая девушка с ярко-рыжими волосами, россыпью веснушек и круглыми очками на лице.

– Мисс Джонс уже спрашивала, где вы, – обратилась она к подросткам.

– Хотелось бы, конечно, потеряться по дороге, – Мора оглядела собравшуюся толпу.

– Худшая часть – это ожидание, – вздохнула девушка.

– Для людей с твоими мозгами, Эрин, вероятно, да, – Мора сняла с плеча сумку и принялась рыться в ней в поисках ID-карты. – Для нас сам экзамен не сильно лучше.

– Да вы справитесь, – махнула рукой Эрин. – Мне вот еще химию писать в час дня, там точно придется посидеть подольше. А по математике же не сильно сложные задания.

– Несложные для человека, сдающего профиль, – скептически прокомментировал Ремси, когда Эрин МакАтир, их одноклассница и одна из самых преуспевающих учениц школы, отошла, оставив друзей наедине с шумной толпой.

– Странно, что она не начала говорить, что ничего не сдаст, – сказала Мора, занимая очередь в небольшой змейке из подростков, выстроившихся в ожидании регистрации.

– Чтобы потом, как обычно, получить высший балл?

– Ага.

Обменявшись парой слов с другими одноклассниками, друзья успешно зарегистрировались и оставили свои личные вещи в специально оборудованной аудитории.

– Мэтт прав, – Мора убирала телефон в сумку, – риск слишком велик. Лучше пойти на пересдачу, чем быть застуканным со шпаргалкой.

Ремси ощущал на кончике языка парящее в воздухе напряжение. Вокруг было столько нервных школьников, что он почувствовал себя немного виноватым из-за того, что не испы-

тывал подобной тревоги. Удивительно, как еще вчера вечером он был готов от паники рвать на голове волосы, но сейчас он не ощущал *ничего*. Ни негатива, ни позитива. Будто кто-то дернул выключатель, чем притупил все эмоции юноши.

– Ты в порядке? – его состояние явно взволновало Мору.

Они стояли плечом к плечу в окружении шушукающихся школьников, пока одна из организаторов напоминала правила проведения экзамена.

– Ты молчаливее обычного.

– Да, порядок, – рассеянно кивнул Ремси.

– Мы все сдадим, – заверила его девушка. – Последний рывок.

– Да, – произнес парень отчужденно.

Мысленно он отчасти согласился с Эрин: ожидание *было* худшей частью.

– А ты не помнишь, в ответах можно использовать любые сокращения? – вдруг спросила Мора.

– Не уверен, – признался Ремси. – Почему бы тебе не уточнить у мисс Джонс, пока мы еще здесь?

– Да ну, – отмахнулась девушка. – Глупый вопрос, незачем его задавать. Просто подумала, вдруг ты помнишь.

Ближе к девяти часам организаторы повели школьников в спортивный зал – место проведения экзамена. По всей площади были расставлены одиночные парты, по углам стояли наблюдающие, а атмосфера вокруг настолько накалилась, что Ремси казалось, здание может взлететь на воздух, если кто-то решит зажечь спичку.

Мора села за четвертую парту, юноше же пришлось пройти дальше. Пока расселись оставшиеся сто человек – сдающих как базовую, так и профильную часть, – прошло еще минут десять. Ремси успел уже изучить предоставленный лист с формулами, бесцельно потыкать кнопки калькулятора и в очередной раз задуматься о смысле бытия.

Во время очередной речи, касаемой инструкций проведения, юноша сверлил взглядом бланки с заданиями, лежащие на парте лицевой стороной вниз. Он чувствовал, как его и всех присутствующих здесь учеников сверлили таким же взглядом организаторы. *Словно мы подопытные крысы.*

Когда прозвучало долгожданное «*Начинайте!*», Ремси вместе с другими школьниками быстрым движением перевернул экзаменационный бланк и приступил к работе.

Скрежет карандашей о бумагу, тихое фырканье, а также беспрестанное расхаживание организаторов по спортзалу слились в один монотонный фоновый шум. Ремси был с головой погружен в формулы и фигуры. С некоторыми заданиями он справился сразу же, с какими-то пришлось сидеть дольше ожидаемого. Он понятия не имел, как решать некоторые задачи, поэтому заполнял строчки для ответов как угодно, лишь бы они не были пустыми.

Спустя полтора часа женщина-организатор, которая до этого рассказывала им о правилах, громко объявила:

– Экзамен окончен, дописывать ничего нельзя.

Ремси, не успевший записать ответ в последнем задании, шумно выдохнул, но опустил ручку. Краем глаза он заметил, как парень, сидящий справа, продолжал делать какие-то пометки в бланке.

– Мэтт, – одними губами произнес Ремси в попытке привлечь внимание одноклассника. Но в их сторону уже шагал один из организаторов.

– Мистер Харт, был сигнал прекратить писать, – предупредил он.

Мэтт, казалось, вынырнул из пузыря забвения.

– А? – спросил он, растерянно взглянув на мужчину.

– Вы продолжили писать после сигнала о том, что экзамен окончен.

– Боже, – Мэтт, наконец осознавший, что случилось, побледнел и выронил ручку. – Да, простите, пожалуйста. Я... я немного увлекся. Это произошло случайно, клянусь.

– В любом случае вы задержались дольше, чем положено, и тем самым нарушили правила проведения экзамена. Мы составим отчет о нарушении и передадим его в экзаменационную комиссию – они уже будут решать, что с вами делать, – с этими словами мужчина сделал пару заметок у себя в блокноте и удалился.

Ремси поглядывал на испуганного Мэтта, пока другие организаторы собирали работы и по очереди выпускали учеников из спортзала.

– Они могут снизить мне баллы или, еще хуже, аннулировать весь экзамен. С тем же успехом я мог пронести телефон, – жаловался Мэтт, уже в холле. – И ведь причем это *правда* произошло случайно, я просто не уследил за временем.

Забрав свои вещи, Ремси и Мора вышли на школьный двор. По-прежнему серое небо угрюмо висело над городом, а усилившийся ветер играл с листвой на деревьях. Он же и подхватил тяжелый вздох, который выпустил Ремси, и унес его в сторону пролива.

– Ну? – Мора первая нарушила молчание.

– Не спрашивай, как, но я это сделал, и это было чертовски сложно. Правда, некоторые задания я совсем не понял. Надеюсь, наскребу хотя бы на четыре.

– Я тоже где-то ответы написала наугад, но главное, что все закончилось.

Все закончилось. И теперь ничто не будет отнимать у Ремси ночи, предназначенные для сна, или мешать готовиться к самому важному событию этого лета – походу с Льюисами.

– Знаешь, мы ведь преодолели такой серьезный рубеж, и он теперь навсегда останется позади. Мы окончили среднюю школу, черт возьми, это безумие. Может, отпразднуем?

– Технически еще не окончили. Результаты придут только в августе.

– Не придирайся к словам. Экзаменов больше нет, официально наступило лето! Давай отпразднуем?

Ремси с сомнением взглянул на подругу.

– Давай, – настаивала она. – У тебя есть какие-то планы на сегодня?

– Разве что лечь и проспять где-то неделю.

– Отлично, тогда пойдем ко мне.

Энтузиазм Мора невозможно сломить, особенно в подобные моменты, когда она знала, чего именно хочет. Это состояние было заразным, поэтому Ремси, хоть поначалу и неосознанно, тоже начал им проникаться.

Для парня дом Льюисов носил статус самого приятного места во всем городе, не считая парка близ набережной, где они с Морой иногда проводили время после занятий. Двухэтажный дом, отделанный красным кирпичом, с прилегающим садом располагался в глубине улочки Скофилд-Вэй.

На пороге друзей поприветствовала Тутси, задрав свой пушистый хвост. Она потерлась сначала у ног Мора, потом позволила Ремси почесать себя за ухом.

– Просто кто-то голоден, – покачала головой девушка.

– Можно я ее покормлю? – спросил Ремси.

– Конечно, я закажу пиццу, если ты не против. Я еще должна одну Ким, – Мора закатила глаза. – А то она так взъелась на меня из-за субботы. Хотя я ее предупреждала!

Пока подруга разбиралась с доставкой, юноша направился на кухню. За ним, все также высоко подняв хвост, вышагивала Тутси – она явно понимала, что сейчас ей достанется что-нибудь вкусное. Получив долгожданное лакомство, кошка в тот же момент вздернула свою белую мордочку и, не обращая на Ремси больше никакого внимания, вернулась в гостиную.

– Через час привезут, – проинформировала Мора, сгребая Тутси в объятия и оставляя на ее лбу легкий поцелуй. – Что? Поела и больше не хочешь нежиться? – девушка выгнула бровь, когда недовольная кошка начала вырваться из ее хватки. – Ладно, иди.

– Посмотрим что-нибудь? – предложил Ремси.

– Есть идея получше, – Мора заговорщически улыбнулась и бросилась к лестнице.

Парень сел на диван – подальше от Тутси, чтобы не мешать той вылизываться – и окинул взглядом гостиную: она была чуть просторнее, чем у семьи Линн, и выкрашена в приглушенные тона. Зашторенные окна полукруглого эркера, выходящие на Скофилд-Вэй, погружали комнату в приятный полумрак. Вокруг стояла тишина, казалось, дом спал. Ремси тоже чувствовал, как начинал клевать носом. Из состояния накотившей полудремы его вывел неожиданный грохот на втором этаже – что-то упало и покатилося.

Через несколько секунд вернулась Мора, в домашней одежде и с яркой коробкой в руках.

– Все в порядке? – уточнил Ремси.

– Да, – заверила его девушка. – Только на всякий случай не заходи в комнату Ким.

Мора уселась на мягкий ковер между камином и диваном и поставила перед собой коробку.

– Да ладно! – удивленно воскликнул Ремси. – «Монополия»? Но нас всего двое. Я тебя обанкрочу в два счета.

– Это вряд ли, – в глазах девушки вспыхнул азарт. – Я первая куплю «Мейфэр» и «Парк Лэйн» и посмотрим, кто кого обанкротит.

– Если ты думаешь, что выкупить две самые дорогие карточки – лучшая тактика, я тебя скоро разочарую, – парень снял пиджак и пересел на пол.

– Раздавай деньги, банкир, – рассмеялась Мора.

Первый круг друзья прошли, скупая разные улицы.

– Если бы в жизни все было так легко, – на втором кругу девушка сразу попала на карточку «Шанс» и помимо положенных двух сотен, собрала с банка еще одну.

– Жаль, конечно, что они никак не котируются, – Ремси помахал перед лицом банкнотой.

– Было бы здорово, – под самодовольный смешок Мора выплатила другу первые деньги с аренды. – Время так летит. Сегодня мы окончили среднюю школу. – Ремси хотел опять возразить, но не стал. – Через два года мы пойдем в университет. А там и до реальной работы недалеко.

– Но мы же уже решили, где будем работать после учебы, – парень выбросил первый дубль и вновь потянулся за кубиками.

– А, – Мора улыбнулась, вспоминая эту идею. – Наш собственный магазинчик одежды: я шью, ты вяжешь.

– Ну надо же как-то монетизировать наши хобби, – второй дубль. – Да ладно!

– Аккуратнее.

– Мне обычно везет только в таких вещах, – третий дубль. – Ну говорил же!

Девушка залилась смехом.

– Давай ты сначала выйдешь из тюрьмы, прежде чем мы надумаем открывать бизнес.

– По крайней мере, я точно знаю, что выйду из этой тюрьмы, чего не скажешь про магазинчик.

– Не напоминай, – Мора выкупила оранжевую «Бой-Стрит».

– Твои родители хотя бы разрешили тебе сдавать экзамен по дизайну, – Ремси заплатил пятьдесят игровых долларов, чтобы вернуть свою металлическую шляпу в игру.

– Да, после того как я согласилась сдавать биологию и химию, – напомнила девушка, чудом проходя клетку «Отправляйтесь в тюрьму».

– Этого я все еще не понимаю.

– Как и я, но тем не менее это то небольшое, в чем сходятся наши родители: *«Творчество тебя не прокормит»*.

– Помню, когда Джейн впервые узнала, что бабушка научила меня вязать, она была в такой ярости, – Ремси выкупил станцию «Фенчерч-Стрит», – будто я сделал что-то незаконное.

– Конечно, сделал – выбрал быть счастливым.

– Она точно заставит меня поступать в юридический.

– А мои – в медицинский.

Так вышло, что все в семье Мора так или иначе относились к медицинской сфере: мистер и миссис Льюис работали стоматологами, Алисия, старшая дочь, которая уже несколько лет не жила с родителями, продолжала обучение по направлению «Иммунология», а Ким, средняя, поступала в этом году в университет и планировала выучиться на аллерголога. Только Мора слыла *творческой личностью* и не хотела связывать свою жизнь с больницей, пациентами и диагнозами. Ей нравилось смотреть на все это разве что в сериалах.

– Ладно Джейн, – Ремси заплатил налог, – но твои-то родители видят, *что* ты создаешь, это же невероятно. Как им может не нравиться?

– Видимо, их смущает, что я создаю это пока только на бумаге, – девушка вновь очутилась на «Шансе». – «Отправляйтесь на „Мейфэр“». Ха! – она ткнула карточкой в лицо другу. – Хотя бы мой *игровой* план начал осуществляться, – и поставила на синюю клетку свою металлическую собачку. – Покупаю.

– А как же та юбка, которую ты сшила?

– Я не показывала им.

– Почему?

Мора на секунду замялась.

– Аренда, – напомнил ей Ремси, когда девушка попала на купленную им клетку.

– Сколько?

– Четыре.

– Полегче, не разори меня.

– Так почему ты им не показала?

– Ну, не захотела. Не такая уж и красивая юбка получилась.

– Но ведь тебе она нравилась.

– Если бы я показывала им все, что мне нравится...

– Мора?

Девушка выдохнула.

– Я показала Ким, и она сказала, что это самая безвкусная юбка, которую она когда-либо видела.

– И ты ей поверила?

– Она неплохо разбирается в моде. Да и это была моя первая серьезная попытка сшить юбку. Если хотим открыть магазинчик после университета и продавать там вещи, то мне надо больше практиковаться.

Но Ремси не повелся на это – уж слишком ярко он помнил реакцию подруги в тот день, когда она закончила грязно-розовую юбку с аккуратными пуговицами и ровными вырезами с двух сторон: Мора тогда чуть ли не светилась от счастья и гордости за проделанную работу. Безусловно, слова Ким сильно ее задели.

Какое-то время друзья обменивались фразами лишь по поводу игры.

– А знаешь, зачем тревожиться о будущем, когда можно потревожиться о настоящем. Ты не забыл, что мы собираемся в поход в конце месяца? – спросила девушка.

– Так забегался, что совсем забыл внести это мероприятие в свой ежедневник, – ехидно ответил Ремси.

– Я уже та-а-ак сильно хочу поехать в лес, – Мора недовольно хмыкнула и заплатила подоходный налог. – А то эта городская суета вместе с экзаменами выжала из меня все соки. Надо на природу.

– Мы всегда можем выйти в сад, – предложил юноша.

– Это не то, – девушка отмахнулась. – Понимаешь, Сэйф-Хэвен... ну, это волшебное место, по-другому не скажешь. Там очень красиво. Я уверена, тебе понравится.

– Поверь, мне может понравиться любое место, если там нет Джейн.

– Там ее точно не будет, – заверила друга Мора и после добавила: – Но в сад я тоже скоро выйду – надо покурить.

Вскоре сделали перерыв. Пока подруга потакала своей зависимости, Ремси успел расплатиться за доставленную пиццу. Теплая коробочка и пряный аромат сразу пробудили сильный аппетит, а последнее заставило проснуться даже Тутси, которая, лежа на диванной подушке, стала принюхиваться к новому запаху. Юноша позволил себе достать пару тарелок и разлить по стаканам прохладный яблочный сок. Немного подумав, он перенес всю посуду в гостиную и составил на журнальный столик, около пиццы, чем вызвал еще большее любопытство у Тутси.

– Просто умираю с голоду, – вернулась Мора, перекатывая мятный леденец за щекой. – Только не запачкай карточки, пожалуйста, – она вновь уселась на пол, – это Алисия мне подарила.

Игра продолжилась с новыми силами, ровно как и споры, которые стали возникать все чаще, когда почти все улицы были скуплены. Ремси в какой-то момент снова выбросил три дубля подряд и отправился отбывать наказание за свою неудачливость в тюрьму, а Мора все никак не могла попасть на синюю «Парк Лэйн», из-за чего очень злилась. Но еще больше она разозлилась, когда туда после нескольких ходов встала металлическая шляпка.

– Выстави ее на торги!

– Но нас всего двое, да я и не хочу.

– Продай ее мне! – настаивала подруга.

– Чтобы ты застроила там все домами?

Но тут Ремси задумался – он впервые за всю игру попал на синюю клетку, поэтому какова была вероятность, что скоро он попадет на нее еще раз? Можно было обменять «Парк Лэйн» на то, что нужно ему.

– Я ее покупаю, – парень заплатил триста пятьдесят игровых долларов. – Но... я готов обменять ее на «Оксфор-Стрит» и станцию «Кингс-Кросс».

– «Оксфор-Стрит» и «Кингс-Кросс» стоят вместе пятьсот долларов.

– Ну, я же не могу уйти в минус.

Мора обдумывала неудобное ей бизнес-предложение.

– Тем более если застроишь отели, то будешь получать с этих карточек полторы или две тысячи. Поэтому в какой-то степени я *ухожу* в минус.

– И с чего ты вдруг так расщедрился? – поинтересовалась девушка, растягивая губы в улыбке.

– Ты ведь моя подруга, – Ремси отпил немного сока.

– В этой игре друзей не бывает, – покачала головой Мора. – Ладно, согласна.

Они обменялись и тут же застроили домами несколько клеток: юноша – зеленые, девушка – синие.

Со временем коробочка от пиццы и стеклянная бутылка от сока опустели. Тутси спала, свернувшись в клубок на подоконнике эркера, но лучшие друзья все еще продолжали наматывать круги на игровом поле. Однако уже скоро Ремси был официально объявлен банкротом: благодаря своей неудачливости он дважды попал на проданную «Парк Лэйн», которую Мора успела построить. Но окончательной точкой стал момент, когда парень, вытащив карточку «Общественной казны», был вынужден заплатить банку за все свои дома и отели.

– Моя собственная недвижимость сыграла против меня, – вздохнул Ремси, пересаживаясь на диван и вытягивая вперед затекшие ноги.

– Не переживай, – девушка отнесла посуду на кухню и, вернувшись, села рядом. – Ты просто всю свою удачу оставил сегодня на экзамене. Ой, у тебя крошки.

На брюках и правда оставалось немного крошек, поэтому юноша быстрым движением стряхнул их на пол и тут же пожалел об этом – свежий порез на бедре напомнил о себе острой болью. Ремси резко втянул носом воздух.

– Что? – напряглась Мора.

– Ничего.

– Не ври.

– И не собирался.

– Но все равно соврал.

– А вот и нет – ничего, из-за чего стоило бы беспокоиться.

– Ты снова это сделал, да?

Мора знала, что он был подвержен селфхарму, за что не единожды кидалась разными упреками. Но разве мог человек, однажды выкуривший за раз целую пачку сигарет и избежавший летального исхода лишь благодаря врачам, упрекать его в селфхарме? Это как если бы она с сигаретой в зубах убеждала его, что курить вредно. А ведь такое как-то было!

Однако не от хорошей жизни Ремси когда-то потянулся к бритве, а Мора – к сигаретам. Два покалеченных подростка, чьи судьбы удивительным образом переплелись.

– Давай не будем об этом говорить: я был на стрессе из-за экзамена, еще и поссорился с Джейн, – теперь это в прошлом.

Но взгляд подруги источал беспокойство вместе с немим порицанием. *Не тебе меня упрекать*, подумал Ремси.

– Ладно, если не хочешь об этом говорить... – наконец сказала она и посмотрела на Тутси. – Иногда хочется просто стать кошкой.

– Не всем кошкам везет, – юноша теперь тоже разглядывал Тутси – как та лежала, вытянув лапы, и ловила безмятежные сны. – Некоторые из них никогда не познают настоящей любви.

Просидев у Моры где-то до трех часов дня, Ремси неохотно принял решение пойти домой.

– Спишемся, – на прощание сказал парень.

– Конечно.

На улице немного распогодилось: где-то даже проглядывало солнце. Ремси, чуть отстраненный, шагал домой и прокручивал мысль, что средняя школа действительно закончилась. Да, результаты экзаменов придут только в августе, но ему больше не нужно было целых два месяца ходить в это место пять дней в неделю. Юноша не чувствовал как таковой грусти по этому поводу, скорее смесь облегчения вместе с одновременно нарастающим волнением. Парадоксально. Он был рад, что учеба закончилась, но тонул в панике каждый раз, когда приходилось думать о будущем. Длилось это обычно недолго – как правило, чуть погодя паника сменялась сильнейшим безразличием.

Дома к Ремси первым вышел Оскар, который тут же поспешил узнать, как прошел экзамен.

– Нормально, – ответил юноша и потрепал младшего брата по голове. – Как твой день, дружок?

– Отлично! – воскликнул Оскар и потянул Ремси за руку. – Сегодня я нарисовал нашу семью на уроке. Папа разрешил повесить рисунок на холодильник!

Пока братья рассматривали школьное творение – четыре человечка на белом фоне, каждый из которых был подписан «Мой папа Майкл», «Моя мама Джейн», «Мой любимый брат Ремси» и «Я», – из кабинета вышел отец.

– Привет, Ремси, – мужчина подошел и похлопал сына по плечу. – Как последний экзамен?

– Привет, пап. Нормально, все написал.

– Молодец, теперь ждем результаты и празднуем твое окончание средней школы?

– Да зачем праздновать-то...

– Как зачем? Завершен такой важный жизненный этап!

И ты туда же, подумал юноша. В этом нет ничего особенного, все оканчивают среднюю школу.

– А еще я хочу предложить вашей маме одну идею – давненько мы семьей никуда не выбирались. Да и тебе, Ремси, взбодриться не помешает, а то в последнее время ты весь в своих мыслях, экзаменах и прочем. Думаю, тебе понравится хоть на один вечер отправиться туда, куда я хочу вас свозить, – загадочно произнес отец.

– Куда? – оживился Оскар.

– Это пока сюрприз, но уже совсем скоро вы все узнаете. Мне надо лишь уговорить вашу маму. Голоден? – мужчина вновь обратился к старшему сыну.

– Нет, спасибо, но пойду переоденусь.

– Да, конечно.

И куда отец собрался их свозить? В голове Ремси вспыхивали всевозможные варианты, но ни один из них не вызывал сильного восторга.

Поднявшись к себе в комнату, Ремси переделался в домашнюю одежду. Вся комната – кровать, стол, комод, пол, – была завалена разными распечатками для подготовки. Юноша торопливо собрал их, смял и бросил в корзину для бумаг. Больше ему это не понадобится. Экзамен был сдан, каникулы официально начались. Впереди – целое лето, но Ремси мысленно сосредоточился лишь на одном предстоящем событии – на походе. Теперь точно ничто не мешает ему исполнить заветную мечту.

Глава 4. Место, где все началось

Семью Сестрами называют меловые скалы, обрамляющие южное побережье Англии. Ежегодно это место привлекает тысячи туристов своим размахом и красочными пейзажами, открывающимися на пролив Ла-Манш. Чуть восточнее Сестер располагается отвесный мыс Бичи-Хед – самая высокая меловая скала Великобритании.

Туда-то и решил свозить свою семью Майкл Линн в среду вечером. На удивление даже Джейн не отклонила эту идею.

Несмотря на то что дорога от Истборна до мыса занимала минут двадцать пять на машине, Ремси не припоминал, чтобы он хоть раз там бывал. Честно говоря, он и сейчас не горел особым желанием ехать, но поделившись отцовской идеей с Морой и получив от нее сообщение о том, что закаты на Бичи-Хед – это настоящее волшебство, все же решил поехать. Да и как будто у него был выбор?

Семья выехала из дома в восемь вечера. Всю дорогу, пока они ехали по улицам города, Оскар, не переставая, глядел в окно и зачем-то (Ремси не мог понять причину) здоровался с каждой вывеской, попадавшейся ему на глаза.

– Привет, аптека, – говорил мальчик, повернув голову налево и провожая взглядом удаляющееся здание. – Привет, зоомагазин. О, привет, кафе At Maya's. Привет, парк, название которого я не знаю...

Отец в это время бодро рулил, Джейн копалась в своем телефоне. Ремси же слушал музыку и был мыслями совсем не в родительской машине – он уже думал о том, как через две недели поедет с Морой и ее семьей в поход: они будут жить в палатке, разводить костер и гулять по лесу. Целых четыре дня юноша не будет ночевать дома, а отдохнет вдали от ссор и всплесков злости под небесным одеялом, усыпанным звездами.

Ремси вынырнул из своих мыслей, только когда его окликнул отец: они приехали. Убрав наушники и телефон в карман, парень вслед за родными вышел из машины.

На секунду его глаза задержались на небольшом, походившем на маяк, здании, перед которым припарковался отец, но уже в следующее мгновение взгляд привлекла картина позади кирпичного домика. Лучи уходящего солнца, периодически скрывавшегося за облаками, вырисовывали танцующие фигуры на зеленой траве и морских волнах. Ремси резко развернулся на пятках и непроизвольно ахнул. Захватило дух от мощи, что простиралась перед ним. Все в тот миг показалось нереальным. И хоть юноша прожил всю свою жизнь в портовом городке и мог любоваться морем ежедневно с набережных, этот вид нельзя было ни с чем сравнить.

– Что ж, дети, добро пожаловать на Бичи-Хед, – воскликнул отец. – Сюда мы с вашей мамой приехали в день свадьбы. Это буквально место, где все началось.

Но Ремси не слушал – он изучал: его взгляд медленно скользил по волнам. Вот он ненадолго остановился на еще одном маяке, стоявшем уже в море, и затем парень стал всматриваться в меловые скалы, тянувшиеся, по его мнению, в обе стороны до самого горизонта и уводящие в совершенно другой мир.

Как же Мора была права, подумал в Ремси. Но не только закаты здесь – настоящее волшебство. Весь Бичи-Хед – это волшебство.

Ремси не знал, судил ли он так только из-за того, что сравнивал Бичи-Хед с родным городом и деревушкой в Уэльсе – единственными местами, в которых он бывал дольше суток. Но тем не менее в то мгновение мыс казался самым невероятным уголком на земле.

– Пойдемте-ка пройдемся, – отец взял Оскара за руку.

– Держитесь подальше от обрыва, – предостерегла Джейн.

Трое двинулись в левую сторону от маяка, вниз по холму. Ремси, словно под гипнозом, пошел за ними. Несмотря на будний день, народу было немало: большинство гуляли парами

или семьями, кто-то специально приехал пофотографировать закат, а кто-то выгуливал собак – юноша обратил внимание, как из «Форда» вышла пухлая женщина, и следом за ней на траву выпрыгнул мопс.

Шум волн, гул голосов и слегка раздражающие крики чаек смешивались в один звук, шедший фоном в голове Ремси. Двигаясь за матерью, парень, не отрываясь, рассматривал море, из-за чего пару раз спотыкался о камни.

– Смотри под ноги, – оба раза поворачивалась к нему Джейн. – Не то кубарем покатишься вниз с обрыва.

Через какое-то время Ремси чуть отстал от семьи. Он остановился на одном из выступов и стал вслушиваться в то, как внизу, метрах в ста, о скалы бились волны. Смотреть на них он не рискнул – боялся высоты, а здесь могла легко закружиться голова. Сделал глубокий вдох, наполняя легкие свежестью прибоя.

– Замечательная сегодня погода, неправда ли? – раздалось справа от юноши.

Тот вздрогнул от неожиданности и повернул голову – напротив стоял невысокий мужчина со светлыми глазами и черной кепкой на голове. Он был одет в серый свитер, темные штаны и болотный плащ, а в руке держал поводок – вокруг по траве наматывал круги белый бультерьер. Мужчина не выглядел старым, но щетинистое, испещренное мелкими морщинками лицо определенно добавляло несколько лет его паспортному возрасту.

– Вы это мне? – уточнил Ремси, при этом стараясь быстро продумать возможные версии, как бы избавиться себя от диалога с незнакомцем.

– Тебе, парень, тебе, – кивнул мужчина и перевел взгляд на горизонт. – Последние недели погода не сильно радовала, но вот, наконец, последние пару дней вновь стоит благодать. Не сглазить бы только.

Ремси промолчал, понадеявшись, что такой жест будет расценен как его нежелание продолжать разговор. Вместе с тем юноша с тревогой покосился на ходящего рядом пса. Мужчина, казалось, это заметил, потому что тут же спросил:

– Не нравятся бультерьеры?

– Нет, что вы, – то умиротворение, которое Ремси испытывал еще минуту назад, бесследно исчезло, уступив место панике. – Просто мы держим кота дома, – соврал он.

– Тем не менее просто запомни, что все, что говорят о бультерьерах – это ложь. Они выглядят суровыми, но глубоко внутри это одни из самых добрых собак на свете. Конечно, как и любой породой, ими нужно заниматься, дрессировать, но бультерьеры сами по себе очень компанейские. Вот Тори и мухи не обидит. Правда, Тори? – как в подтверждение слов хозяина пес гавкнул. – Ну, только если очень надо.

Зародившееся любопытство и любовь к животным заставили Ремси опуститься на колени и осторожно протянуть ладонь в направлении пса. Тори на секунду замер и, тоже с осторожностью, стал принюхиваться. По всей видимости, злого врага он не учуял, поскольку уже через секунду принялся радостно облизывать руку парня. Ремси засмеялся и погладил пса по голове.

– Вот видишь, – сказал мужчина.

– Вы смотритель одного из маяков? – юноша сам не понял, как вырвался этот вопрос.

– Ха, парень, да ты опоздал на парочку десятилетий, – незнакомец явно развеселился, но Ремси юмора не понял. – Вон тот маяк, – мужчина указал на кирпичное здание, недалеко от которого семья Линн оставила машину, – не работает с начала прошлого века. А вон тот, – следом он указал на море, – был автоматизирован в восьмидесятых. Так что как таковых смотрителей тут нет уже почти тридцать пять лет. Первый здешний маяк переоборудовали в гостиницу *The Belle Tout Lighthouse*, я работаю там сторожем вот уже десятый год, – он внимательно посмотрел на парня, после чего протянул ему руку, сухую и обветренную. – Я, к слову, Алек Шекли.

– Ремси, – парень решил не лукавить по поводу своего имени и пожал руку сторожа в знак знакомства.

На какое-то время наступило молчание. Алек вновь повернулся к проливу и безмолвно принялся рассматривать что-то вдаль. Тори ходил вокруг ног хозяева, неторопливо виляя хвостом. Ремси почувствовал, что наступил весьма удачный момент, чтобы удалиться. Все же ему больше хотелось побыть наедине со своими мыслями. *Наедине со своими мыслями? Ну да, кому ты врешь?* Он уже собирался деликатно попрощаться, как Алек вновь заговорил, не сводя глаз с моря:

– А хотя, знаешь, я серьезно подумывал о том, чтобы уйти с этой работы два года назад.

В его голосе не слышалось никаких эмоций. *Прошу меня извинить, но мне надо идти, обо мне беспокоятся родители,* хотел сказать Ремси, но подумал, что никто о нем, черт возьми, не беспокоится, а вот так уйти было бы... *невежливо* с его стороны. *Просто выслушаю его рассказ и все.*

– Из-за чего?

Алек молчал. Через несколько секунд вместо ответа он спросил:

– Красиво здесь, неправда ли? Интересно, почему люди выбирают именно такие места, чтобы свести концы с концами?

– Что вы имеете в виду? – Ремси озадаченно сдвинул брови.

– Может, потому, что хотят насладиться красочными видами перед тем, как мир вокруг поникнет навсегда? – не унимался Алек. – Непонятно, что творится в голове у таких людей.

Парень уже начал думать, что все эти фразы обращены не к нему, а являлись просто личными рассуждениями повывавшего жизнь сторожа, а, возможно, когда-то и моряка. Ремси захотел оглянуться, чтобы поймать взглядом свою семью и убедиться, что они все еще здесь, гуляют по склону. Несмотря ни на что, в тот момент ему требовалось увидеть знакомые лица, даже если одним из них будет лицо Джейн.

– Два года назад, – Алек выдержал небольшую паузу и с глубоким вздохом продолжил, – одна девушка покончила здесь с собой, бросившись со скалы.

Он все также смотрел вдаль, а Ремси опешил от услышанного.

– Был вечер, такой же теплый и солнечный, как сегодня. Удивительная погода, помню, я так радовался тому, что спустя несколько недель непроглядных облаков солнце наконец-то открылось нам и подарило замечательный день. Он был и оставался замечательным для всех и каждого на мысе ровно до того момента, пока не случилось то несчастье.

Она плакала, сильно плакала и кричала, говорила, как сильно болит ее сердце – будто его зажали в тиски. Говорила о том, как ее предали, растоптали доверие и ее саму, не оставив живого места ни на теле, ни в душе. Я как раз вышел на вечерний обход, поэтому хорошо слышал и видел ее стенания и то, как мать пыталась успокоить ее, привести в чувства. Люди вокруг тоже обращали внимание, кто-то даже подходил узнать, не нужна ли помощь. Но она не принимала ничью помощь, она была уничтожена морально. Я зачем-то взглянул на часы, было ровно 20:20, а в следующее мгновение, когда я поднял глаза, она, вся покрасневшая и заплаканная, уже бежала к обрыву. Все произошло так быстро, что никто не успел ничего предпринять. Какой-то парень бросился следом за ней, но было уже слишком поздно.

Алек замолчал. Тори, вероятно, почувствовав переменявшееся настроение хозяина, сел рядом и тихо заскулил. Ремси же пытался переварить всю эту историю – на миг он представил себя свидетелем произошедшего и ему сделалось тошно от возникшей в мыслях картины. Затем в голову ударило предположение: *Вдруг для нее это был единственный способ справиться с проблемами?*

– Вы знаете, как ее звали? – спросил юноша, наблюдая за лицом сторожа.

– Нэнси, – ответил тот.

– Мне жаль, что вам пришлось увидеть это все вживую.

– Меня-то зачем жалеть? – Алек, наконец, оторвал взгляд от моря. – Я, по крайней мере, жив. А вот Нэнси уже ничто не вернет, – он говорил об этой девушке с такой сильной горечью, с какой, по мнению Ремси, о незнакомых людях обычно не говорят.

– Но вдруг для нее это был единственный способ справиться с проблемами? – юноша озвучил свой вопрос. – Вдруг таким образом она смогла обрести покой?

– Ну нет, парень, ты такими вещами не разбрасывайся, – мужчина помрачнел. – Всегда есть другой способ, его надо только найти, а это лишь вопрос времени и мозгов.

Ремси не стал спорить, вместо этого он помолчал, после чего спросил:

– Зачем вы рассказали мне эту историю?

Чуть сощурившись, Алек пристально посмотрел на него.

– Потому что увидел в твоих глазах то же, что и в ее за несколько мгновений до того... как она бросилась к обрыву.

– И что же это?

– Отчаяние.

С губ Ремси слетел нервный смешок.

– Вы неправы, в данный момент я не испытываю ни капли отчаяния. Совсем скоро я отправлюсь в путешествие со своей близкой подругой и чувствую, это будет самое лучшее и запоминающееся событие за последние годы, если не за всю мою жизнь.

– Одно счастливое событие не сможет скрасить несколько лет несчастья. Все говорят, что, в конце концов, хорошие воспоминания вытесняют плохие, вот только если счет не сто к одному в пользу «плохих».

Юноше не нравилось, в какую сторону начал двигаться этот диалог. Вновь появилось желание поскорее уйти и оставить этого странного мужчину.

– Прошу меня извинить, – сказал Ремси, – но мне нужно идти, а то родители уже, наверное, беспокоятся. Рад был познакомиться, мистер Шекли.

– Парень, запомни только одно: когда ты падаешь с обрыва, ты понимаешь, что все проблемы можно решить, кроме одной – *ты уже падаешь*. Скалы ошибок не прощают, – Алек говорил серьезно, и по его чуть дрожащему голосу казалось, будто что-то непрестанно съедало его изнутри.

– До свидания, мистер Ше-

– Ремси, вот ты где! – раздался сзади голос отца. – Мы уже испугались, как бы ни случилось чего.

Юноша оглянулся и увидел подходящую к ним семью: лицо отца отражало облегчение, Джейн – суровость и недовольство, а Оскара – страх вперемежку с восторгом от сидящего на траве бультерьера.

– Простите, это моя вина, – заговорил Алек. – Увлеч мальчишка разговорами о море и проливе, он у вас очень смысленный для своих лет.

– О, благодарю, мистер...

– Шекли, Алек Шекли. Я работаю сторожем в гостинице *The Belle Tout Lighthouse* – той, что на вершине холма. А это мой верный друг Тори. А ну-ка, приятель, поздоровайся, – пес громко гавкнул и радостно завилял хвостом.

– Рад знакомству, мистер Шекли. Я Майкл Линн, это моя супруга Джейн и младший сын Оскар. Со страшим, как я понимаю, вы уже познакомились.

– Вы правы, мы с Ремси уже успели перекинуться словечком.

– Кстати, как удачно, что мы встретили вас, мистер Шекли – думаю, вы сможете мне помочь, так как вы, считай, завсегдатай этого места. Мы с супругой не были здесь уже более шестнадцати лет. Сильно выросла посещаемость? Потому что я точно помню: раньше тут не гуляло так много народу.

– Вообще, все зависит от сезона: туристы зачастую приезжают в весенне-летний период, плюс еще, конечно же, влияет погода и время суток. Но вы правы, за последние годы популярность Бичи-Хед, несомненно, выросла.

– Не связано ли это с не самыми приятными событиями последних лет?

Ремси не понял, о каких именно событиях говорил отец, но предполагал, что самоубийство Нэнси могло быть одним из них.

– Связано, конечно. Люди – такие создания – часто хотят увидеть места, где случилось что-то плохое или где, по их словам, *сотворилась история*, – Алек посмотрел на часы. – Ох, прошу меня извинить, но пора возвращаться в гостиницу. Был рад познакомиться, мистер Линн, миссис Линн, Оскар, Ремси, – на имени парня сторож едва заметно кивнул. – Хорошего вам вечера.

– Взаимно, мистер Шекли. До свидания, – попрощался отец, и Алек двинулся вверх по холму, а следом за ним, виляя хвостом, побежал Тори.

– И, о чем вы говорили с этим мужчиной? – спросила Джейн, как только сторож отдалился на приличное расстояние.

– О море, о проливе, о маяках, – Ремси выдержал тяжелый взгляд матери.

– И что же он такого рассказал тебе о маяках?

– Тот, что на холме, перестал работать в начале прошлого века и позже был переделан в гостиницу, а тот, что стоит в море, уже почти тридцать пять лет автоматизирован и не нуждается в зрителях.

Джейн неотрывно смотрела на старшего сына.

– Я тебя учила не начинать диалоги со странными людьми. Считаю, тебе повезло, он мог оказаться каким-нибудь извращенцем.

– А мне мистер Шекли показался приятным человеком, – парировал отец.

– В тихом омуте черти водятся.

Побурчав еще немного о неосмотрительности сына, Джейн достала телефон, чтобы ответить на пару сообщений.

– Что за неприятные события ты имел в виду? – спросил у отца Ремси.

– Да много ходит истории про это место, – скользко ответил тот и, глянув на обеих сыновей, добавил: – Не думаю, что вам, парни, стоит о таком знать. По крайней мере, пока.

– Но нам не по десять лет.

– Оскару семь.

– Но не десять же, и вы сами говорите, что он соображает даже лучше меня, а мне ведь шестнадцать, – Ремси всеми способами пытался выудить из отца больше информации о мысе, который поначалу показался ему раем на земле, но спустя недолгое время был омрачен рассказом Алека.

– Мы не будем углубляться в эту тему, – отрезал отец. – Есть в этом мире вещи, о которых вам еще рано знать. Я ведь прав? – он посмотрел на жену, ища в той поддержке, но женщина по-прежнему что-то изучала в своем телефоне. – Джейн?

– Что? – та оторвалась от экрана.

– Я прав, что нашим детям еще рано знать о некоторых вещах, в том числе о событиях, связанных с Бичи-Хед?

Женщина, казалось, на секунду задумалась и даже растерялась. Но уже в следующее мгновение, вернув самообладание, она, как всегда твердо, сказала:

– Определенно.

Как будто мы в интернете не сможем найти то, что нам надо, подумал Ремси.

– А теперь пойдёмте, мы покажем вам место, где была сделана наша с мамой та самая свадебная фотография, которая стоит на полке в гостиной.

Парень хорошо помнил эту фотографию – хочешь не хочешь, а глазами натыкаешься на нее всякий раз, когда проходишь по первому этажу. В детстве Ремси часто брал ее в руки и рассматривал – так сильно она ему нравилась. Возможно, этот снимок даже когда-то был его самым любимым. Когда-то, но точно не сейчас. На фотографии еще юные Майкл Линн и Джейн Спенсер были запечатлены на одном из обрывов Бичи-Хед. Свинцовое небо нависало над ними, а осенний ветер раздувал подол платья Джейн и ее короткие волосы. Отец часто рассказывал, что буквально через пять минут после того, как был сделан снимок, пошел жуткий ливень. Родители обнимались: Майкл обхватил свою жену за талию и улыбался во все тридцать два зуба, а вот лицо Джейн было таким же мрачным, как сгустившиеся за ней тучи. Она тоже растянула губы, но улыбка ее была такой натянутой, что, казалось, вот-вот разорвется, а глаза источали такое отчаяние, будто она всерьез размышляла о том, чтобы сброситься с этого обрыва. Будучи ребенком, Ремси не замечал этих деталей, он видел перед собой красивую фотокарточку – только обменявшихся клятвами и готовых прожить всю жизнь вместе родителей. Лишь лет в тринадцать он задержал взгляд на снимке дольше обычного и искренне удивился увиденному – в частности, выражению лица матери. Опять-таки по рассказам отца такой кадр получился только из-за того, что Джейн чувствовала себя некомфортно перед дверью дождя и боялась испортить свой свадебный образ.

Спустившись дальше по холму, отец принялся оглядываться по сторонам.

– Вроде это было где-то здесь, да? – спросил он.

Джейн пожала плечами.

– Это было почти семнадцать лет назад. Не думаю, что мы отыщем точное место.

– Я хорошо помню, как мы припарковались у той гостиницы и также пошли вниз. Кaleb еще заметил валун вдалеке, помнишь?

– Вот только ни рядом с нами, ни вдалеке никакого валуна не наблюдается.

– А тот странный покосившийся камень можно считать за валун? – Ремси ткнул пальцем перед собой. В метрах шестидесяти от них действительно лежало что-то вроде валуна, вот только часть его верхушки выглядела аккуратно отсеченной, как если бы ее срезали большим острым ножом.

– Да, да! Это то место! – отец повернулся и похлопал старшего сына по плечу. – Ай, молодец!

Джейн чуть слышно фыркнула, а мужчина припустил вперед.

Подходя совсем близко к валуну, Ремси заметил за ним женщину с мопсом – ту самую, что выходила из «Форда», когда они только приехали. Женщине на вид было чуть за сорок, она ковыряла носком своей туфли землю и разговаривала по телефону, пока бежевый мопс сидел в зеленой траве в окружении полевых цветов.

Что касается самого валуна, тот и вправду выглядел так, будто его верхушку аккуратно срезали остро наточенным, раскаленным ножом. В некоторых местах поверхность была гладкой, но где-то расходилась мелкими трещинами, в щелях которых пробивались зеленые ростки.

Отец провел ладонью по камню.

– Надо же, – задумчиво произнес он, – я точно помню, что этот валун был больше. Он определенно был выше меня, помнишь, Джейн? Парни еще хотели... – он осекся и покосился на сыновей, – неважно, что они хотели, но он был в разы больше.

– Может, тогда это просто не тот валун? Оглянись, тут весь обрыв усыпан одинаковыми камнями.

– Нет-нет, я уверен, это он: то же расстояние до гостиницы.

– Майкл, мы поженились почти семнадцать лет назад, – Джейн на мгновение замолчала. – Ты просто не мог запомнить точное место.

– Но почему тогда у меня такое чувство, будто это оно? Чувство, будто этот валун был чуть ли не в два раза больше—

– О, это правда, – перебила отца женщина с мопсом: она закончила свой телефонный разговор и теперь увлеченно наблюдала за семьей Линн. – Простите, что подслушала, но мы стоим в трех метрах друг от друга, этого сложно было избежать, – она улыбнулась. – Вы правы, этот камень действительно был много выше, пока в него не попала молния года четыре назад и не отсекла верхушку.

– О, – отец чуть растерянно глянул на незнакомку.

– В ту осень бушевал один из сильнейших штормов: гроза, ветер, холод – это было просто ужасно, в Истборне сносило крыши, чьи-то дома полностью затопило, – женщина, провалившись на мгновение в те неприятные воспоминания, поежилась и запахнула полы своего плаща.

Ремси сразу понял, о каком шторме шла речь. Только это было не четыре года назад.

– Вот тогда-то молния и попала в этот валун, ну, так рассказывали постояльцы гостиницы, – продолжила незнакомка. – Выглядит удивительно на самом деле.

– Вы абсолютно правы, – согласился отец, после чего решил уточнить: – Тот самый шторм, из-за которого в городе еще хотели объявить чрезвычайное положение?

– Да-да, – закивала женщина. – Говорю вам, это был просто кошмар.

– Да, тогда всему городу знатно досталось, и шагу нельзя было на улицу ступить.

Этот шторм случился пять лет назад. Почти шесть. В тот год умерла бабушка.

Вдох. Выдох. Ремси на мгновение сжал кулаки, изо всех сил впиваясь ногтями в ладони. Жалкая попытка остаться в реальности и не дать воспоминаниям утащить его в прошлое. Если он начнет думать об этом, то не сможет остановиться и паника поглотит его с головой, а потом и безжалостно утопит. Он боролся с собственным мозгом, пытался обхитрить самого себя. *Нет, не думай об этом, нет. Перестань. Сейчас же. Хватит.* Старался отгонять, блокировать мысли, направлять их в другую сторону. *Не надо. Пожалуйста. Прекрати. Прекрати!*

– ...и мы с Лилу ездим сюда уже седьмой год, это, можно сказать, наше место, – периферийным зрением Ремси уловил, как женщина показала на камень, – потому что мы приезжаем к нему каждый день.

Ее жеста и последовавшего лая мопса хватило, чтобы вытянуть парня из пучины навязчивых мыслей. Заморгал и огляделся: он по-прежнему находился на Бичи-Хед, морской летний бриз раздувал кудрявые волосы, а уходящее солнце приятно грело спину. Ремси взглянул на руки: на них остались следы покрасневших полумесяцев.

– Каждый день? – услышал он удивление отца.

– Да, каждый день после работы я беру Лилу, мы садимся в наш маленький «Форд» и едем сюда. Мы живем на окраине, поэтому дорога занимает от силы минут десять, но какие же здесь виды, скажу я вам, особенно вечером – ради них можно в дороге провести и час, и два.

– А у нас так сложилось, Женевьева—

– О, можно просто Джи – и вам легче, и мне приятнее, – рассмеялась женщина.

– Как скажете, – улыбнулся отец, который, вероятно, уже успел представить свою семью. – А у нас так сложилось, Джи, что последний раз мы с женой были здесь почти семнадцать лет назад – на нашей свадьбе. И сегодня мы пытались отыскать точное место, где сделали эту фотографию, – отец продемонстрировал снимок, который он предварительно сохранил на телефон.

– Как чудесно, – Джи внимательно разглядывала фото.

Ремси на секунду подумал о том, как искусно женщина изображала заинтересованность в совершенно незнакомых людях, однако едва заметный блеск любопытства в ее серых глазах показался юноше искренним.

– Выглядите великолепно. Особенно вы, Джейн, – будто сошли с картины малоизвестного художника, чьи работы должны выставляться в музее, но он посчитал их слишком личными, чтобы делиться такой красотой со всем миром.

Впервые за несколько лет парень посмотрел на мать и увидел, как та залилась краской от смущения. Ее аристократичная, как любили шутить Ремси с Морой, бледность сменилась легким румянцем на щеках, а темно-бордовые губы изогнулись в подобии улыбки. Даже ее карие глаза, казалось, на миг заблестели.

– Спасибо вам, – произнесла Джейн.

– Я могу погладить вашу собаку? – спросил Оскар.

– Конечно, Лилу особенно нравится, когда ей чешут за ушком, – подмигнула Джи.

Отец завел разговор о том, как изменилось побережье Бичи-Хед за последние несколько лет. Женевьева с радостью отвечала на возникающие вопросы и делилась историями о туристах, морских приливах и своей работе. Оказалось, она работала в ветеринарной клинике в Оклиндже и помимо Лилу держала дома рыжую кошку Лили и черепаху Люка.

Пока родители общались с Джи, Ремси опустился на траву около Оскара, сидевшего на корточках и гладившего мопса. Нельзя было определить, кто был довольнее: мальчик или собака. Парень зажмурился от бившего в глаза солнца и обхватил колени руками.

– Как тебе тут, Оскар?

– Краси-и-иво, – протянул младший брат, – только ветрено.

– Как на всех побережьях, – пожал плечами Ремси.

Мальчик на миг отвлекся от поглаживания собаки, чем заставил ту недовольно посмотреть в его сторону, и сказал:

– Мама не разрешает сидеть на траве в чистой одежде, иначе ее будет сложно отстирать.

– Эти штаны грязные, – парировал юноша.

– Уже да, – согласился Оскар и продолжил гладить Лилу.

Ремси тоже протянул руку и почесал сопевшего мопса за ухом.

Солнечный свет в «золотой час» казался еще теплее и мягче. Аккуратно, как кончики пальцев по клавишам фортепиано, проходились лучики по играющим волнам и качающейся траве. Парень достал из кармана телефон, чтобы сделать несколько снимков, и отправил их Море – та весь день не отвечала, и он понадеялся, что фотографии заката ее заинтригуют и заставят побыстрее вернуться в диалог.

– А тебе как тут? – вдруг спросил Оскар.

– Беззаботно.

– Это как?

– Никаких забот.

– Хм, – мальчик на миг закусил губу, погружаясь в размышления. – Мне тоже тут беззаботно, – наконец сказал он и расплылся в довольной улыбке, чем рассмешил Ремси.

– Кажется, ей тоже здесь беззаботно, – парень кивнул на Лилу – та вытянула язык и чуть прикрыла глаза, пока Оскар гладил ее по голове.

– Точно!

Оба брата притихли. До них доносились обрывки разговора родителей с Джи – взрослые отошли чуть поодаль, за валун, из-за чего морской шум и ветер заглушали большую часть их диалога.

– Ты скоро поедешь в поход, да?

Ремси повернулся и уловил на себе взгляд Оскара – его светло-карие глаза источали печаль.

– Да, – кивнул парень, – всего на четыре дня.

Четыре прекрасных дня.

– А можно я с тобой?

Оскар впился в брата таким жалобным взглядом, что Ремси на секунду опешил.

– Прости, дружок, – сказал он, поспешив переключить внимание на гостиницу, что стояла на холме, – если бы это зависело только от меня... Но всем занимается отец Моры. Тем более, нас и так уже пятеро, места в машине не хватит, – хмыкнул юноша.

Последнее утверждение было ложью, поскольку в «Ленд Крузер» мистера Льюиса без проблем могли бы войти еще трое, но что-то внутри Ремси не хотело делиться этой информацией с Оскаром. Эгоистичное желание отдохнуть от каждого члена своей семьи, включая младшего брата, не позволяло парню даже подумать о том, чтобы поделиться этой идеей с Морой. Конечно, она могла бы переговорить с отцом и тот (Ремси уверен) был бы совсем не против взять в их команду юных натуралистов еще одного бойца. Но пришлось бы обсуждать это с родителями, в частности, с Джейн... А если *мистера Льюису*, человеку с медицинским образованием и опытом походов в двадцать пять лет, она не сможет доверить своего любимого младшего сына, то про Ремси, с которым Оскар наверняка будет проводить большую часть времени, речи вообще не шло.

Слишком много переменных, слишком много переговоров, компромиссов, потенциальных ссор и прочей возни со всей этой идеей. Ремси хотел по-настоящему отдохнуть, в кое-то веки думать только о себе, переживать и быть ответственным только за себя – а если с Оскаром что-то случится, юноша себе этого не простит. Поэтому легче было соврать – сделать так, чтобы желание брата казалось невозможным.

– О, да, ты прав, – Оскар слабо кивнул и, найдя рядом голый участок земли, сел на него. Ремси поджал губы – сердце в миг отяжелело от чувства вины.

– Хей, – парень потрепал брата по плечу, – ты еще будешь мечтать, чтобы я остался в этом лесу подольше, вот увидишь.

– Вряд ли.

– Четыре дня без меня покажутся всем вам настоящим раем.

– Не покажутся, – Оскар надул губы, но вместе с тем все продолжал гладить Лилу – она задремала в траве. – Вдруг мама с папой опять поссорятся, а я не буду знать, что делать? – он поднял поникшую голову, но вместо того, чтобы взглянуть на брата, уставился на алеющий горизонт.

– Не думаю, что до такого дойдет.

Ведь очень часто они ссорятся со мной или же из-за меня.

– А если дойдет? До тебя я дозвониться не смогу, до Моры тоже. В этих лесах вечно нет связи...

– Оскар, ты умный. Я уверен, ты придумаешь, как выкрутиться, – юноша грустно улыбнулся. – Я не смогу всегда быть рядом, чтобы помочь. Нужно потихоньку учиться решать проблемы и справляться с разными ситуациями самостоятельно.

– Но мне *семь!* – вскинул руки мальчик.

– И ты уже умен не по годам! – воскликнул Ремси, но тут же подумал – *а хорошо ли это?*

Оскар вновь поник. *Отличная работа*, подумал парень.

– Слушай, дружок, давай я уточню у мистера Льюиса по поводу связи, ладно? Мы же не можем пойти туда, где совсем не ловят телефоны – иначе как, в случае чего, связываться со спасателями? Думаю, он предложит что-нибудь дельное, и тогда мы сможем созваниваться или списываться.

Оскар молчал и почесывал живот перевернувшейся на спину Лилу.

– Ладно, – наконец сказал он.

– Можешь поспать на моей кровати, пока я буду в отъезде, – предложил Ремси.

Чуть сощурив глаза, мальчик взглянул на брата.

– Правда? – недоверчиво спросил он.

– Да, – кивнул Ремси и тут же добавил: – только не прыгай на ней!

– А это уже, как пойдет! – прыснул Оскар. – Лилу задокументировала факт передачи собственности кровати из твоей в мою на четыре дня через две недели! Собственник в праве распоряжаться своим имуществом так, как посчитает нужным!

– Ах ты хитрюга! – юноша потянулся к брату, чтобы зашекотать, но тот уже вспрыгнул на ноги.

И снова – Оскар не умел подолгу обижаться. Как-то из любопытства Ремси все-таки решил узнать, почему, и получил ответ, что это пустая трата времени.

В попытке избежать щеколки мальчик припустил к валуну. Обернувшись, чтобы проверить, преследует ли его брат, он не заметил россыпи мелких камней на земле, из-за чего заскользил сандалиями по гальке.

Его резко повело в сторону.

В сторону обрыва.

Мальчик вскрикнул от страха и попытался зацепиться руками за валун, чтобы удержать равновесие, но камень, за исключением мелких трещин, был гладко обточен морским ветром. Детские ладони поймали лишь воздух.

Ремси, до этого просто наблюдавший, ощутил, как сердце пропустило удар. В моменте крики чаек, шум волн и разговоры прохожих стихли. Все замедлилось. Желудок сделал сальто, а мир, словно сдавленный в тиски, сузился до одной точки – той, где Оскар беспомощно размахивал руками, теряя опору.

В голове возник туманный силуэт Нэнси, соскальзывающей с обрыва. *Все произошло так быстро, что никто не успел ничего предпринять.* Нет, Оскар не станет еще одним «не самым приятным событием», которое будет привлекать сюда любопытных зевак.

Не успев осознать, что делает, юноша вскочил с земли и бросился за братом – тело опередило разум.

Одним прыжком преодолел расстояние между ними. Крепко схватил мальчика за предплечье и вцепился свободной рукой в валун. Грязь и мелкие камешки впились в кожу.

Пропустил вдох и резким рывком потянул на себя, помогая брату вновь почувствовать твердую почву под ногами.

Обрыв остался позади. Пару мгновений Ремси просто держал Оскара не в силах отпустить – тот трясся всем телом и отстраненно смотрел перед собой. Юноша сам едва стоял на ногах – собственный страх подкашивал и тянул к земле, – но знал, что сейчас первым делом нужно было успокоить брата. Медленно выдохнул в попытке восстановить дыхание.

– Тише, дружок, – прошептал Ремси, обнимая его за плечи. – Если улетишь с обрыва, некому будет распоряжаться моей кроватью.

Они стояли в каких-то сантиметрах от края.

– На секунду стало... страшно, – признался мальчик, сжимая руку старшего брата. Дрожащий голос. На грани слез. Но Оскар ни за что не даст им волю.

– Теперь все хорошо, – сказал Ремси, аккуратно глядя трясущегося мальчика по спине.

Сказал, но сам не поверил.

Могло случиться что-то плохое.

Все произошло настолько резко и неожиданно, что он не успел ничего понять. Еще несколько секунд назад он смеялся, а теперь сердце бешено колотилось, все тело пробивало дрожь, а на лбу выступили капли холодного пота. Только сейчас юноша начал все это чувствовать – словно вынырнул из вакуума.

Вместе с телесными ощущениями вернулись и окружающие звуки: крики чаек, удары волн о скалы. Тревожный лай Лилу.

– Давай-ка отойдем отсюда. Не ушибся?

– Нет, я—

– *Оскар!*

Ремси беззвучно выругался.

Родители обогнули валун, за ними шла Джи, обеспокоенно сдвинув брови. Джейн рванулась к младшему сыну, присаживаясь и осматривая его с головы до ног.

– Ты в порядке?

– Да, все хорошо, мам, просто—

– О чем ты думал?!

Вопрос прозвучал громче, чем должен был, поэтому Ремси сразу понял: обращались к нему. Он перевел глаза на мать – та прожигала его ледяным взглядом и ждала ответа. Но парень не произнес ни слова – а что он мог сказать? Любая вылетевшая буква все равно обернется против него.

– Я с тобой говорю, Ремси. Язык проглотил?

– Нет.

– Тогда отвечай на вопрос.

Ремси вздохнул.

– Оскар случайно споткнулся, а я думал лишь о том, чтобы помочь ему, – он понадеялся на благоразумие матери, и что та не станет устраивать сцену в общественном месте при незнакомых людях.

– Ах, помочь? – как же он ошибся. – По твоей вине мой ребенок чуть не улетел с обрыва!

Щелчок. Снят предохранитель.

– Хорошо, что все обошлось, – попытался сгладить ситуацию отец.

– Одна лишняя секунда и мой ребенок мог разбиться о бережные скалы! – рывкнула Джейн.

Взведен курок.

– Вот именно.

Выстрел.

– Что ты сказал?

– Ремси, не нужно. Все хорошо, что хорошо кончается.

– Я сказал, вот именно, что это *твой ребенок*, почему ты тогда сама за ним не следишь? Получается, это и твоя вина тоже, что он чуть не свалился с обрыва, – сказанное дорого ему обойдется, но в тот момент злость, нахлынувшая резкой волной, смыла остатки здравого смысла. Все, что сдерживалось последние недели: стресс от экзаменов, не «преобразованный» гнев, усталость и закопанное раздражение, – вырвалось наружу вместе с диким страхом, который Ремси испытал несколько секунд назад. Дверь распахнулась: страх сорвал ее с петель и позволил всем остальным чувствам последовать за ним.

На какое-то время воцарилась мертвая тишина – даже Лилу прижалась к земле.

– Я следил за Оскаром, – продолжил Ремси, пытаясь контролировать собственное дыхание, – но случилось непредвиденное, которое могло произойти с каждым, – он споткнулся, но я вовремя среагировал и не дал ему упасть.

Не думай о том, как все развернулось бы, если бы он упал. Не думай. Он не упал.

Джейн медленно поднялась и ровным шагом подошла к старшему сыну. Даже на выпрямленных ногах она была ниже юноши, но это не мешало ей прожигать его своим уничижающим взглядом снизу вверх. Она на миг опустила голову, сделала вдох и жестким тоном сказала:

– Ты не едешь в поход с Льюисами.

Глаза Ремси расширились. На скулах заиграли желваки. Он мог ожидать чего угодно за свои высказывания – ему попадало и за слова погрубее, – но только не этого. Он сделал *все* ради этой поездки, буквально вымучил ее, причем своим честным трудом. Джейн не смела лишать его законного отдыха.

– У нас был договор.

– Договор признан недействительным.

– Ты не имеешь права так со мной поступить.

– Не смей говорить мне, на что я имею или не имею права. Я твоя мать, и тебе еще нет восемнадцати, поэтому мое слово – закон для тебя.

– Это нечестно! – воскликнул Ремси. – Мы договаривались с тобой и папой о том, что после окончания средней школы и сдачи всех экзаменов я смогу поехать в этот поход. Я свою часть сделки выполнил, теперь вы выполните свою!

– Не ори на меня! – взревела Джейн. – Скажи спасибо, что я тебя из дома не выгоняю за твою неслыханную наглость.

– Джейн... – отец вновь предпринял попытку смягчить конфликт.

– Да лучше б уж выгнала! Я не хочу жить под одной крышей с юристом, который безосновательно объявляет заключенный договор недействительным и не держит собственное слово. Вот бабушка всегда держала свое слово! – грязный трюк, но тем не менее Ремси пустил его в ход. Джейн всегда реагировала на упоминание о своей матери как на удар током.

– Ты так в этом уверен? – горько усмехнулась она.

– По крайней мере, она всегда держала слово, данное *мне*, – продолжил давить парень.

В твердом взгляде Джейн ничего не изменилось, ни единый мускул не дрогнул на ее лице.

– Рада, что тебе повезло больше, – сказала она. – По приезде домой я лично помогу тебе со сбором вещей, чтобы исполнить твое заветное желание – перестать жить со мной под одной крышей.

– Мам! – испугался Оскар.

– Правда, Джейн, Ремси, пора заканчивать, – отец (отчаянно пытавшийся сохранить лицо «главы семьи» перед Джи) вновь встрял в разговор. – Все живы и никто не пострадал, а это, пожалуй, главное.

Ремси молча смотрел в карие, наполненные злобой и презрением глаза матери, даже не осознавая, что видит в них отражение своих.

– Мне не десять лет, сам справлюсь, – с этими словами он двинулся к машине.

Солнце полностью скрылось за горизонтом. Единственным напоминанием о его теплых лучах стали бледно-оранжевые и розовые полосы, растекшиеся по сумеречному небу. Усилившийся ветер пригонял с востока облака.

Ремси брел по побережью Бичи-Хед, опустив голову. Здешние красоты больше не воодушевляли. Только море, бившееся о скалы внизу, искушено манило. Парень бросил взгляд на пенящиеся волны и выступающие из воды острые камни. В голове мелькнула мысль, но буквально тут же ее спугнул громкий крик пролетевшей рядом чайки.

Вечер был напрочь испорчен, а ведь Ремси еще предстояло решить, где он теперь будет ночевать.

Глава 5. Ночной Истборн

Напряжение в машине неприятно давило на уши вместе с какой-то попсовой мелодией, доносившейся из радиоприемника – единственного источника звука. Отец оставил свои дипломатические попытки и молча рулил. Оскар кусал щеку и глядел перед собой. Джейн... Ремси не хотел знать, чем она была занята – наверняка читала очередную заумную статью в своем телефоне. Сам юноша откинул голову на сидение и, погрузившись в плейлист, прикрыл глаза.

До дома доехали быстрее, чем до мыса. Было ли это связано с опустевшими под вечер дорогами, или отец просто гнал, что есть сил, лишь бы поскорее выпрыгнуть из машины на мягкий диван и погрузиться с головой в глупую вечернюю передачу? Ремси не знал, однако предполагал второе.

«Тойота» остановилась на площадке около гаража. Мужчина заглушил двигатель и первым вышел наружу. Ремси был следующим: резким движением открыл заднюю дверь, ступил на асфальт и громко захлопнул ее.

– Эй, – прикрикнул отец, – полегче. Эта машина тебе ничего не сделала.

Достав запасной ключ, спрятанный в маленькой коробочке среди пышных цветов у крыльца, парень повернул его в замочной скважине, после чего пулей взлетел к себе в комнату.

Хлопнув и там дверь, Ремси сел на кровать, обхватил голову руками и тяжело выдохнул. Пока они ехали домой, он пытался придумать, что же ему делать, однако толковых идей так и не пришло. Но юноша знал одно: здесь он не останется.

Встал, вытащил из шкафа потрепанный школьный рюкзак и принялся закидывать в него вещи: провод от зарядки, небольшую пачку наличных, новенький паспорт, толстовку, свежую футболку и нижнее белье. Ремси даже откопал у себя в комодке одноразовую щетку.

Что еще могло ему понадобиться? Надолго он уходит? Навсегда? Но куда? Вопросы, вопросы, вопросы. А ответов никаких нет.

Нацепив на голову старую кепку и даже не глянув в зеркало, парень дернул дверную ручку. На пороге стоял Оскар.

– Не надо, – жалобно сказал он.

– Так всем будет лучше, Оскар, – Ремси похлопал младшего брата по плечу и повернул к лестнице.

– Не будет! – вскрикнул тот, последовав за юношей.

Ремси не стал спорить, просто спустился на первый этаж под недовольные возгласы мальчика и принялся натягивать на ноги кроссовки.

– Пожалуйста, не надо, не уходи.

– Ремси! – раздался из гостиной голос отца.

Парень раздраженно закатил глаза. В проходе между лестницей и коридорной стеной показалась фигура мужчины:

– Иди в свою комнату и отоспись, завтра мы все спокойно обсудим.

– Меня не будет здесь завтра, – Ремси зашнуровывал вторую кроссовку. – И послезавтра, надеюсь, тоже.

– Не говори ерунды. Ты еще несовершеннолетний, а на улице почти что ночь, куда ты пойдешь?

– Куда угодно, лишь бы подальше от дома, где живет *безответственная лгунья, которая не держит свое слово!* – юноша выпрямился.

– Ты накричал на нее сегодня.

– А она до этого накричала на меня.

– Ремси, – одернул его отец. – Просто признай, что был неправ, и тогда она спокойно отпустит тебя в поход.

– Я больше не поверю ни единому ее слову. И к тому же ты тоже одна из сторон заключенного нами договора, но почему-то все решения принимает она, – парень вскинул на плечи рюкзак и, прежде чем выйти на улицу, ехидно добавил: – Признаю, что был неправ только после нее.

Ремси захлопнул входную дверь до того, как отец успел что-то возразить, и, свернув налево, быстрым шагом пошел вдоль улицы Скофилд-Вэй. Догорающее сумеречное свечение медленно уступало место подступающей ночи. Фонари уже освещали проезжую часть и прилегающий к ней по обе стороны тротуар.

Пройдя мимо нескольких соседних домов, юноша остановился напротив нужного – свет горел в окнах первого этажа, на втором же комнаты были погружены во тьму.

– Неужели тебя до сих пор нет дома, – сказал сам себе Ремси и достал из кармана джинсов телефон.

Мора так и не прочитала его сообщения. Более того, она даже не заходила в сеть последние четыре часа.

Подойти? Постучать? Попроситься на ночь? Наверняка мистер и миссис Льюис были дома, вероятно, смотрели телевизор или вместе готовили поздний ужин. Они бы без проблем пустили парня, но задали бы кучу вопросов и наутро, скорее всего, отправили бы домой. Либо же позвонили отцу или Джейн и сказали не волноваться, ведь их сын жив, здоров, сыт и готовится ко сну всего в паре домов от них.

Резкий порыв ветра отрезвил Ремси, и он только сейчас начал полностью осознавать свое положение – он не мог остаться у Льюисов. Ни сегодня, ни завтра. Ему придется найти другое место, где получится скоротать время, поесть и желательно поспать. Прежде чем убрать телефон назад в карман и двинуться дальше, парень отправил подруге короткое сообщение: «*У тебя все в порядке? Волнуюсь*».

Скофилд-Вэй в конце закольцовывалась, поэтому, чтобы добраться до другой улицы, Ремси нужно было развернуться и вновь пройти мимо своего дома. Эта идея ему не прельщала, но другого способа выбраться из лабиринта двухэтажных домиков просто не было: все они располагались плотно друг к другу, соприкасаясь заборами, и не давали ни единой возможности просочиться между стенами. Если бы не природное разнообразие в виде деревьев и цветущих кустов, тянувшихся вдоль улицы, Скофилд-Вэй можно было бы смело назвать просто «серой английской улочкой».

Ремси крутанулся на пятках и побежал. Он не бросил даже мимолетного взгляда на краснокирпичный дом с черной «Тойотой» и раскинувшим ветви дубом у одного из окон. Набравший силу ветер бил в лицо, но парень не останавливался. Выбежав со Скофилд-Вэй, он повернул налево и устремился к набережной, мимо автобусной остановки и стоящих рядом однотипных домиков. Фонари по правой стороне от проезжей части проливали свет на редко встречающихся прохожих и на еще более редко проезжающие автомобили.

Семья Линн проживала в спальном районе Истборна, что во многом объясняло незагруженность дорог и тротуаров в вечернее и ночное время.

Добежав до очередного перекрестка, Ремси свернул направо и перешел на шаг. Что ни говори, а бег все-таки не входил в список его ежедневных (*ежегодных*) привычек. Тяжело дыша и стараясь при этом не выплюнуть собственные легкие, юноша побрел вдоль улицы, названной в честь Принца Уильяма.

Был ли у него какой-то план? Возможно.

Надо было взять бутылку воды, подумал он, поскольку поблизости не располагалось никаких магазинчиков, где можно было бы закупиться водой и какими-нибудь снеками.

Если не полноценный план, то хотя бы сомнительная идея у Ремси проскочила. Он преобразовал ее в цель, до которой было около получаса ходу. Юноша понадеялся добраться туда быстрее, чем ночь успеет полностью опуститься на город. Хотя и нельзя было заявлять, что Ремси боялся темноты: порой он даже чувствовал себя комфортнее в позднее время суток, чем в дневное, – но это зачастую распространялось только на те моменты, когда парень лежал на кровати около распахнутого окна с ноутбуком в руках, вдыхал прохладу ночи и смотрел какой-нибудь фильм.

Кровать.

Как было бы сейчас славно плюхнуться на нее и провалиться в беззаботный сон. Несбыточная мечта. Ремси тряхнул головой, чтобы отогнать ее.

Юноша слышал, как бились волны о побережную гальку, но плохо видел сам пролив или пляж – только теплое фонарное свечение, тянущееся вдоль велодорожки, проложенной по береговой линии. Проходя мимо двух- и трехэтажных домов, Ремси иногда косился на выставленные личные вещи: велосипеды, садовые стулья, горшки с цветами, – и на балкончики, где сидели и курили жильцы.

Парень уверенно двигался к своей цели, но усомнился в ней после того, как вышел на улицу Роял-Парейд. Изначально он подумывал провести предстоящую ночь в парке принца (а впоследствии и короля) Эдуарда VIII: уютное местечко, где можно неплохо скоротать свободное время. Ремси с Морой иногда там гуляли, после чего часто шли к морю и сидели еще несколько часов на каменистом пляже. Но сейчас парк разливался подозрительным чернильным пятном – не горело ни одного фонаря.

Приближаясь к воротам, Ремси заметил ходящего туда-сюда невысокого мужчину. Сразу появилось резкое желание развернуться, но углядев каким-то образом черную фуражку и такого же цвета униформу на незнакомце, юноша чуть выдохнул и направился прямо к нему. Тот, казалось, разговаривал по телефону, но удачно положил трубку именно в момент, когда подошел Ремси.

– Простите, сэр.

– Да, парень, в чем дело? – тон мужчины не источал никаких эмоций, но его пышные усы слегка подернулись.

– А, что, парк закрыт? – как он молился получить отрицательный ответ.

– Да, уже пять минут одиннадцатого. Приходи завтра к десяти утра.

– Вы имеете в виду, что он... закрывается на ночь? – растерялся юноша.

– Да, – мужчина чуть насупил брови. – Парк открыт ежедневно с десяти до десяти.

Внутри Ремси все рухнуло. Он, вероятно, забыл, а, может, и не знал вовсе об этой маленькой детали, поскольку никогда не засиживался в парке допоздна.

– А тебе сколько лет, парень? – резко спросил полисмен.

– Шестнадцать, сэр, – честно ответил Ремси.

– И куда ты направляешься?

– Домой.

– А зачем тогда спросил про парк?

– Я не знал, что он закрывается на ночь, поэтому просто решил уточнить. Раньше мы с моей подругой проводили здесь много свободного времени, но днем, разумеется, – перемешивание фактов: побольше ненужной правды и поменьше важной лжи.

– Тебе все равно не следует разгуливать по ночам в одиночку, – покачал головой мужчина.

– Вы правы, сэр, но не беспокойтесь, я живу всего в паре кварталов отсюда, – Ремси махнул в конец улицы Роял-Парейд – совершенно противоположную сторону от его настоящего дома. – Я буду там много раньше одиннадцати.

– А откуда идешь? Небось, гулял с той самой подружкой?

Любопытство полисмена на секунду выбило Ремси из роли, но он тут же собрался:

– Нет, сэр, мой друг праздновал сегодня совершеннолетие: мы скромно посидели у него дома в компании наших общих друзей, поиграли в настольные игры...

– Выпили по бутылке пива?

– Некоторые ребята выпили, да, а мне еще законом не разрешено, – юноша позволил себе улыбнуться.

Мужчина несколько секунд внимательно изучал лицо Ремси, по всей видимости, пытаясь подловить того на лжи по поводу алкоголя, но удивительно, что признание в трезвости было единственной крупницы правды во всем рассказе, поэтому парень спокойно выдержал твердый взгляд стража порядка. Наконец, тот, не уловив никаких признаков ни перегара, ни вранья недовольно пошевелил усами.

– Отправляйся-ка домой, парень, – бросил он. – А то совсем стемнело уже.

– До свидания, сэр, – попрощался Ремси и, надвинув кепку на лоб, пошел дальше по улице.

Полисмен не ответил, да юноше это и не нужно было. Сейчас главной задачей стояло отойти от парка на приличное расстояние, чтобы незаметно скрыться из виду.

Мужчина был прав – совсем стемнело: Истборн полностью утонул в объятиях ночи. Затянувшееся облаками небо не давало луне и звездам показаться и озарить город своим ярким мерцанием.

Дойдя до следующего перекрестка, Ремси юркнул за угол. Тяжело выдохнул. Выплюнул парочку ругательных слов и зажмурился. Его изначальный план полетел в глубокую пропасть.

Поток ветра с пролива заставил юношу передернуться одновременно от холода и от накатившей паники. Ремси достал из рюкзака толстовку и натянул ее поверх футболки в надежде согреться и немного успокоиться. Улочка, на которую он свернул, была нелюдима, вдоль дороги стояли автомобили жителей ближайших домов. Где-то вдалеке послышался собачий лай.

Ремси снова выдохнул. Он не имел ни малейшего представления, где бы он мог провести *хотя бы эту ночь*.

Вновь ветер, на сей раз растрепавший выбившиеся из-под кепки кудрявые волосы. Но этот порыв вместе с дрожью неожиданно принес и идею. Парень повернул голову и посмотрел в сторону пролива – спортивная площадка и несколько домиков у побережья преграждали вид, но в воцарившейся тишине (собаки умолкли) Ремси, помимо фонарного гудения, уловил шум морских волн.

Быть может?

Он понимал, что на пляже будет значительно холоднее, но имелась большая вероятность, что там не будет ничьих любопытных глаз. Глупейшая идея. Ничем не подкреплённая. Безрассудная.

Он вышел назад на Роял-Парейд.

Ремси хотел добраться до той части пляжа, которая лежала прямо напротив парка принца Эдуарда VIII, поскольку она была практически ничем не застроена и имела на своей территории несколько фонарей. В другой же стороне побережья, погруженной в непроглядную тьму, стояла пара домиков, и дальше тянулись рыбацкие доки. Юноша осознанно решил, что не хочет появляться в такое время на потенциально людной территории. Хоть около парка дежурил полисмен, который без труда мог заметить подозрительно крадущегося Ремси, засадить его в машину и увезти домой на моральное растерзание Джейн, парень все-таки никак не нарушал закон, да и к тому же был трезв.

Наверное, все же лучше встретить ночью полицейского, чем кого-то еще, размышлял Ремси, пока шел вдоль спортивной площадки.

Заметив ворота в парк, юноша на секунду остановился и принялся всматриваться в даль. Полисмена не было видно. Возможно, он отошел к другой части территории. Ремси ускорился

и незамеченным прошмыгнул мимо. Сердце бешено стучало от накотившего адреналина, но он продолжил движение: вдоль небольшого деревянного заборчика, по велодорожке. В льющемся теплом свете парня было бы слишком легко заметить, поэтому он прошел вглубь пляжа, ориентируясь исключительно по фонарным бликам, поскольку прямо перед ним простиралась крошечная морская мгла.

Ремси оглянулся, чтобы убедиться, что полисмен так и не вернулся – все было чисто. Хороший знак. Зайдя за один из росших вблизи берега кустарников, юноша кинул на землю рюкзак и опустился на него, скрестив перед собой ноги.

– Интересная же предстоит ночка, – пробормотал Ремси.

Телефон завибрировал в кармане.

– Мора! – громче, чем хотел, воскликнул парень и потянулся за мобильником.

Однако на экране высветилось уведомление не от подруги.

– *Оскар...*

В сообщении брат просил его вернуться домой и упоминал о том, что родители волнуются. Ремси сильно в этом сомневался – Джейн была готова собственноручно выставить его за дверь. Что касалось отца? В теории он, конечно, мог поволноваться, но время подходило к половине одиннадцатого, и в это время он часто уже видел третий сон, по крайней мере, в дни, не отягощенные работой. Искренне за юношу мог переживать только Оскар, поэтому Ремси отправил брату пару строк: «*Со мной все в порядке, не волнуйся. Я нашел местечко, где перекантоваться*».

Парень проверил профиль Моря – она так и не появлялась в сети.

Убрав телефон в карман, Ремси огляделся. Он никогда не видел это побережье ночью. Признать честно, он и сейчас его особо не видел в сгустившейся тьме. Но парня слегка пугал тот факт, что перед ним буквально разливался пролив – был слышен шум волн, однако разглядеть их толком не удавалось. В морской дали то появлялся, то пропадал дрожащий огонек какого-то судна, но никаких других признаков людей или жизни в целом на горизонте не виднелось. Казалось, мир впереди заканчивался.

Слева, недалеко от юноши стояли в ряд каменные блоки, уходящие в воду. Подобные располагались вдоль всего пляжа, на расстоянии нескольких десятков метров. Ремси всегда думал, что это были волнорезы. *Странные волнорезы.*

Неожиданно с той же левой стороны раздался звонкий женский смех. Парень, уже успевший немного успокоить свое дыхание, испуганно крутанул головой. Чуть высунувшись из-за кустов, он заметил гуляющую по велодорожке парочку. Они были слишком увлечены беседой и друг другом, чтобы обращать внимание на что-либо еще. Девушка вновь рассмеялась. Видимо, ее кавалер обладал невероятным чувством юмора либо же просто очень сильно ей нравился.

Парочка прошла мимо куста, за которым сидел Ремси, и, свернув на улицу Роял-Парейд, устремилась восвояси.

Парень на секунду задумался, мог ли он быть на месте того кавалера и также, держась за руки, шагать со своей... девушкой? Вероятно, мог бы, если бы хотел. Но хотел ли он – это уже другой вопрос.

Небось, гулял с той самой подружкой?

Незнакомые люди (да и не только) часто принимали их с Морой за пару, но Ремси никогда не воспринимал свою подругу как потенциальную романтическую партнершу. В их отношениях прослеживались больше братско-сестринские нотки. Нравилась ли она ему как человек? Определенно. Что он подумал о ней при первой их встрече? Ничего особенного. В тот период юноша был слишком погружен в себя, и новенькая девочка не вызывала абсолютно никакого интереса. Однажды на уроке физкультуры Ремси залился злорадным смехом, когда в Мору

прилетел мяч, за что она бросила в него этот же мяч. Девочку тогда отправили к директору, а мальчика – в медпункт из-за разбитой губы.

Ремси должен был разозлиться на новенькую, но, сидя на кушетке у медсестры, он не чувствовал абсолютно никакого гнева или даже раздражения – только боль пульсирующей губы. Тогда он вдруг понял, что у него с этой девочкой, вероятно, общего больше, чем они оба могли представить. С ней почти никто не общался, и все свое внеурочное время Мора проводила в одиночестве, листая журналы или рисуя что-то в блокноте. Однако, несмотря на то, что у нее не было друзей, она не подвергалась нападкам со стороны других школьников – во многом потому, что умела за себя постоять и ответить обидчику, как она и поступила со своим будущим лучшим другом, когда тот вздумал над ней посмеяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.